

Николай Морозов

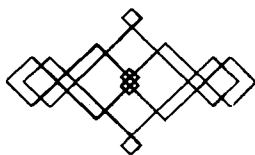
В ПОИСКАХ
ФИЛОФСКОГО
КАМНЯ

Избранные главы

Печатается по изданию:
Николай Морозов. *В поисках Философского
Камня*. С.-Петербург. 1909.

Вперед! Забудь свои страдания,
Не отступай перед грозой,
Борись за дальнейе сиянье
Зари, блеснувшей в тьме ночной!

Гадсон

К ЧИТАТЕЛЮ*

Неужели старинная мечта алхимиков о превращаемости простых веществ друг в друга близка к осуществлению?

Одни из химиков, недоверчивые и консервативные в своих взглядах, признают этот вопрос совершенно праздным и считают опыты Рамзая по трансформации радия сплошным рядом легкомысленных ошибок. Другие, увлекающиеся и рвущиеся в высоту, видят в них зарю новой эры в развитии химии, когда чудеса науки о превращениях вещества превзойдут самые экстравагантные мечтания старинных молчаливых алхимиков, одиноко работавших в своих уединенных лабораториях.

Мне лично этот вопрос особенно близок, вследствие моих многолетних работ еще в стенах Шлиссельбургской крепости над эволюционной теорией возникновения всех видов вещества из трех непосредственных родоначальников: протогелия, протоводорода и гипотетического, неизвестного в свободном виде на современной земной поверхности, архония, может быть, тождественного с небулозием небесных туманностей.

Эта теория уже достаточно очерчена мною в моих предыдущих работах для людей, знакомых с химией. Здесь же, в этой небольшой популярной книжке, я хочу только показать, как, за весь длинный период своего сущес-

* С сокращениями.

твования, химия, за исключением своего временного разочарования в XIX веке, ставила своей конечной целью доказать трансформируемость металлов и металлоидов и установить законы их естественной эволюции из все-наполняющего мирового эфира, а вместе с тем и дать нам способы, подражая природе, фактически превращать их друг в друга в наших земных лабораториях.

Насколько мне удалось достичь своей цели — занимательно изложить этот предмет для широкой публики — пусть судит сам читатель.

Начало этой книжки дали мои публичные лекции прошлой зимой в Петербурге. Вот почему в ней и оставлена лекционная форма. Рисунки в тексте книги представляют собой точные снимки с древних алхимических сочинений.

Особенную благодарность приношу я здесь В.М.Алтухову, предоставившему мне возможность пользоваться хранящимися у него редкими алхимическими книгами.

12 декабря 1908 г.

ГЛАВА I

Первые шаги химии

Наука, об истории и чудесах которой я буду сегодня вам рассказывать, в одно и то же время и очень древняя, и очень новая. Ее начало, как и начало астрономии, физики

Две стихии: огонь и вода.
(С франц. виньетки XIX века).

и космогонии, теряется в глубине прошедших веков. Фантазия алхимиков эпохи Возрождения относила начало химии и неразрывно связанных с нею тогда магии и Алхимии еще ко временам мифической Атлантиды, т.е. континента, будто бы существовавшего среди Атлантического океана и погрузившегося затем на дно, на заре возникновения человечества, вместе со всеми своими обитателями.

В таинственных храмах этой погибшей страны и начали, по их мнению, впервые отыскивать средства для превращения металлов в золото и серебро. Некоторые из

наивных христианских ученых того периода даже прямо говорили, что приготовлением искусственного золота заинтересовался еще первый человек библейской

Вулкан, отец химиков и кузнецов. (По барельефу, найденному в Париже под хорами собора Нотр Дам в 1711 г. и хранящемуся в музее Cluny)

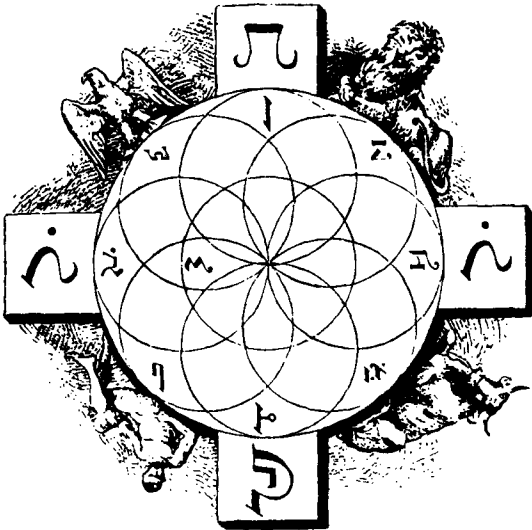
теологии — Адам, муж Евы. Затем не менее успешно занимались ею Авраам и Моисей. Другие, менее благочестивые, приписывали изобретение химии древнему египтянину — Гермесу Трижды Величайшему — автору 42 легендарных научных трактатов, из которых я вам приведу только его знаменитую в первые века нашей книгопечатной эры, *“Изумрудную скрижаль”*.

Вы видите, что она представляет собой скорее средневековую научную поэму, чем древний трактат.

Написана она, по-видимому, не ранее, чем в конце средних веков и выдана за произведение легендарного отца наук.

Так очень часто поступали в те времена, и потому все, что мы можем сказать положительного о возникновении химии, заключается лишь в следующих немногих догадках

Магическая фигура средних веков.

и соображениях скорее психологического, чем документального характера.

* * *

Еще в глубокой древности замечательные изменения в цвете, блеске и других физических свойствах, претерпеваемые металлами при их сплавлении друг с другом, должны были навести, и действительно наводили, древних халдеев, египтян, индусов, китайцев и греков на мысль о возможности получения самых редких и дорогих из них путем сплавления в должных пропорциях, обыкновенных и дешевых. Так, например, сплав меди и олова, дающий

ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ Гермеса Трижды Величайшего

Это верно, без обмана, истинно и справедливо!

То, что внизу, как то, что вверху, и то, что вверху, как то, что внизу, для того, чтобы совершить чудеса одного и того же. И подобно тому, как все предметы произошли из одного, по мысли Одного, так все они произошли из этого вещества, путем его применения.

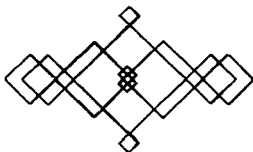
Его отец — Солнце, его мать — Луна; Ветер носил его в своем чреве, Земля — его кормилица. Оно — отец всякого совершенства во Вселенной. Его могущество безгранично на земле.

Отдели землю от огня, тонкое от грубого, осторожно, с большим искусством. Это вещество поднимается от земли к небу и тотчас снова нисходит на землю. Оно собирает силу и верхних и нижних вещей.

И ты получишь славу мира, и всякий мрак удалится от тебя.

Это могущественная сила всякой силы, она уловит все неуловимое и проникнет во все непроницаемое, потому что так сотворен мир!

Вот источник удивительных применений... Вот почему я был назван Гермесом Трижды Величайшим, владеющим Тремя отделами Всеобщей философии. Я сказал здесь все о деле Солнца (золота — авт.).

ТАЙНА

(Фрагмент греческой рукописи, приписываемой
Зосиму из Паюполиса IV в.н.э.).

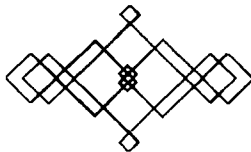
Вот тайна: змея, пожирающая свой хвост, состав, поглощенный и расплавленный, растворенный и превращенный брожением. Он становится темно-зеленым и переходит в золотистый цвет. От него происходит красный цвет киновари. Это киноварь философов.

Его чрево и спина желты, его голова темна и зелена. Его четыре ноги — четыре стихии. Его три уха — поднявшиеся пары.

Одно снабжает другое своею кровью, одно зачинает другое. Сущность радуется, сущность очаровывает сущность, и это не потому, что обе были противоположны, но потому, что это одна и та же сущность и происходит из себя самой с трудом, с большим усилием.

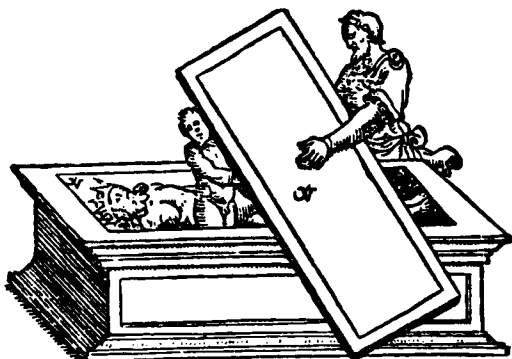
О, мой друг! Приложи свой ум к этому и ты не впадешь в ошибку. Но работай серьезно и с прилежанием, пока не увидишь конца.

Змей (вещество) простерся у порога, он сторожит этот храм и овладел им. Убей его, обдери кожу и, содрав ее вылоть до самых костей, устрой из нее ступени для входа в храм. Войди в него и ты найдешь желанное. Потому что его жрец, вначале медный человек, изменил свой цвет и природу и стал серебряным. Через несколько дней, если ты хочешь, найдешь его превратившимся в золото.

золотистую бронзу, неизбежно должен был ввести того, кто первый его открыл, в роковое заблуждение. Ведь в руках древних не было ни точных весов для определения

Из сочинения Бархузена *“Странная книга”*. В тот миг, когда алхимик закрывает в гробу свое мертвое вещество, оно порождает ему живого сына — золото.

удельного веса, ни современных средств аналитической химии, дающих нам возможность легко и быстро отличить всякий золотообразный сплав от настоящего золота. Все, что блесело как золото и обладало металлическими свойствами, было для них тождественно с этим драгоценным веществом, как и для большинства людей, не знакомых с химией и физикой. Чтоб не ходить далеко за примером, упомяну лишь об одном. Ко мне самому, во время заключения в Шлиссельбургской крепости, не раз приходили сторожившие меня жандармские офицеры с кусками гнейса, покрытыми золотистыми кристаллами железного колчедана, для того, чтобы я определил, не золото ли этот минерал, находимый ими то здесь, то там, в окрестностях Ладожского озера...

Можете же себе представить чувства того, кто первый, случайно сплавив в горне около четырех частей меди с одной частью олова, вдруг получил вместо красной меди и

белого олова, желтоватое металлическое вещество, которое никто в то время не имел возможности отличить от золота! С каким восторгом он должен был прийти к убеждению, что открыл способ искусственного приготовления этого редкого металла! Даже и не роясь в исторических документах, а лишь на основании одних элементарных соображений о несложной психологии древнего человека, мы можем восстановить перед собой все его последующие поступки и ощущения с такой же точностью, как если бы мы все это незаметно наблюдали собственными глазами. Мы можем, например, с уверенностью сказать, что в первый момент, когда он вынул из горна полученную им бронзу и с волнением торопливо рассматривал ее, у него не оставалось ни тени сомнения, что перед ним наконец то, что он, вероятно, уже не раз искал в своей уединенной мастерской. Мы можем себе представить, с какой тревогой, смешанной с восторгом, он зарыл полученное им сокровище где нибудь в углу под земляным полом своей хижины, как это делали все в его время; с какой торопливостью он старался приобрести все имеющиеся в окрестностях медные и оловянные вещи для того, чтобы сплавлять их вместе и точно также зарывать свои сплавы в землю...

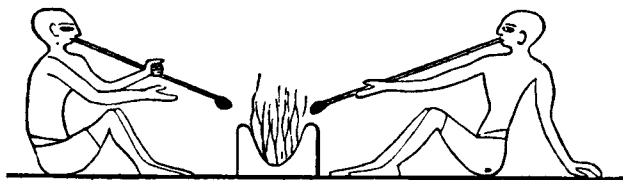
А затем мы можем представить себе и его огорчение, когда, проверяя через несколько недель после первых дождливых дней свои сокровища, он вдруг увидел, что они покрылись тем самым зеленоватым налетом, каким при подобных условиях покрывается и обыкновенная медь!

Но если вы подумаете, что это должно было убедить его в ошибке, вы жестоко ошибаетесь!

Ведь ржавчина на железе или зелень на меди еще не считались в то время их окислами, как они считаются теперь, после Лавуазье. Даже и слово окисел не существовало в то время. Соответствующие окислам соединения назывались тогда "известями" или "землями" металлов. Получаемые путем действия огня из этих известей или

земель, все металлы считались даже химиками XVIII века их соединениями с заключающейся в огне особой летучей субстанцией — флогистоном. По выделении флогистона, металл, по их мнению, снова обращался в то самое землевидное или минералообразное вещество, которое мы, духовные потомки Лавуазье, называем теперь кислородным соединением самого металла.

Древнейшие из химиков.

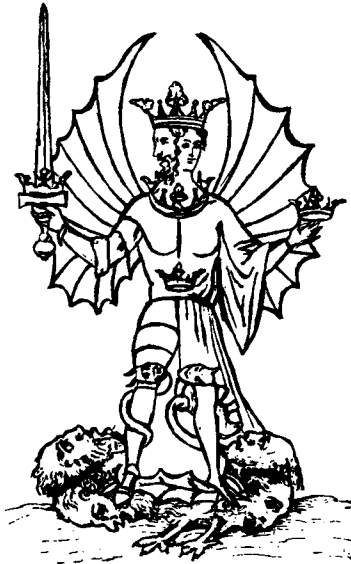
Но в еще более древние времена, во времена, предшествовавшие средним векам, не было и этих смутных представлений. Всякое потускнение блестящей поверхности только что отлитого металла, всякий налет, образующийся на ней от действия влажного воздуха, считался тогда за его простую болезнь, “проказу” металла, совершенно аналогичную сыпи или коросте на коже больного человека. А каждая болезнь объяснялась в то время влиянием особых, невидимых, но всюду присутствующих злых духов, т.е. одухотворенных древними нездоровых газов, как например, мы видим это в евангельских легендах, где не раз говорится о пребывании таких духов во чреве больных людей и об изгнании их оттуда Иисусом и его учениками*.

Понятно, что и в нашем случае первый, открывший бронзу, должен был приписать порчу своего искусственного золота болезни, зависящей от вредоносного влияния на него невидимых духов, т.е. газов.

* Многие места в евангелиях не оставляют, по-видимому, в этом никакого сомнения. Припомним только, что и газ и дух тогда имели даже одно и то же название и совершенно сливались в представлениях.

Но болезни в то время лечились, главным образом, заклинаниями, ограждающими от таких влияний. Значит, приходило в голову первобытному исследователю, приготовленное им искусственное золото позеленело потому, что не были соблюдены какие-то таинственные обряды,

Троица. (По миниатюре XVII века). Два начала стоят над тремя.

всегда охраняющие естественное золото от подобных заболеваний. И вот к химическим работам того времени все более и более начала примешиваться мистика, сразу поставившая только что нарождающуюся науку на совершенно ложный путь, где обстановка заменила сущность дела, диалектика — опыт, и греза — логическое мышление. Химия породила магию и сама наполовину превратилась в нее.

Многие химические реакции, открытые еще в глубокой древности, делали такой переход неизбежным. Почти каждое новое изобретение науки о превращениях веществ-

тва должно было поражать изумлением первого, кто случайно на него натолкнулся.

Представьте себе только хоть ощущения полулегендарного монаха Шварца, когда в его ступе, где он толоч смесь серы, селитры и угля, вдруг произошёл взрыв от упавшей в нее искры и находившийся в ней камень взлетел к потолку! Представьте себе ощущения многих других химиков, которые, работая над каким-либо неисследованным веществом, вдруг оставались без пальцев или даже всей кисти руки только потому, что неожиданно натыкались на взрывчатую смесь! Почти каждое из известных нам

Откровение во сне.

взрывчатых соединений стоило какого-либо члена своему открывателю. Химия, по самой своей природе, должна была сделаться наукой чудес и мучеников.

Я не буду вам показывать здесь очень опасных химических опытов, а приведу только для примера несколько других, которые известны тоже уже давно и каждым из вас могут быть повторены дома. Все они по своему эффекту показались бы средневековому неподготовленному человеку настоящими чудесами и создали бы вам, если бы вы проделали их лет тысячу тому назад, репутацию величайшего мага и волшебника.

Вот, например, в этих двух больших банках вы видите простую, почти чистую воду, наполняющую их до половины. Я нарочно отпиваю немного из каждой банки, и только в одной, где вода кажется чуть-чуть желтоватой, чувствую слабый железистый вкус, как будто бы она была налита туда из заржавленного железного ковша. Я вам говорю теперь, что сейчас превращу перед вами эту воду в кровь и, следуя своим словам, я переливаю воду из одной банки в другую, и вы видите, что вся слитая вместе вода сразу стала красной, совершенно как кровь...

Конечно, те из вас, кто хоть немного знаком с аналитической химией, уже догадались, что к воде в первой банке я прибавил небольшое количество роданистого калия (KSCN), а ко второй — такое же ничтожное количество хлорного железа, т.е. веществ, которые можно достать в любой аптеке. В отдельности их растворы почти бесцветны и безвкусны, а потому и незаметны, но слитые вместе дают так называемое роданистое железо, ничтожные количества которого окрашивают воду в кровавый цвет. Вы скажете мне, что я сделал перед вами не превращение воды в кровь, а самую обычную химическую реакцию, постоянно применяемую в лабораториях для обнаружения в воде следов железа, и что в полученном мною растворе нет ни фибрина, ни типичных шариков, характеризующих истинную кровь и видимых под микроскопом... Все это так. Но вообразите положение человека древности или средних веков, даже и не подозревающего ни о фибрине, ни о кровавых шариках! Ведь для него моя жидкость была бы истинной кровью, и все, что я здесь делал перед вами — настоящим чудом!

А вот вам и другое чудо. Пусть этот кирпич на столе изображает жертвенник. Я сыплю на него чайную ложку красноватого кристаллического вещества и в доказательство того, что оно не горючее, подношу к нему спичку. Вы видите, что оно не горит. Но вот я беру пузырек с

обыкновенным винным спиртом, который каждый желающий может попробовать на вкус, и делаю им возлияние на камень, призывая огонь с неба низойти на него... Вы видите, как сейчас же после возлияния яркое белое пламя взвивается над моим жертвенником и поднимается языками чуть ли не до самого потолка. Вот весь мой красноватый порошок превратился, перегорев, в ярко зеленую светящуюся золу.

Химик скажет вам, что я положил на свой камень хромового ангидрида, который отдает избыток своего кислорода на самовозгорание спирта, но ведь для древнего человека, не имевшего даже и понятия о кислороде, это было бы настоящим низведением огня с неба, вроде того, как это совершается и теперь на праздник Пасхи иерусалимскими патриархами!

В заключение этой серии простых опытов, характеризующих химию прошлого, я покажу вам еще третий, который несомненно наполнил бы аудиторию древних даже большим суеверным ужасом, чем первые. Вот здесь огромная пустая банка, прикрытая стеклом. Я снимаю это стекло и, держа его в одной руке, поднимаю в другой банку, чтоб показать, что в ней ничего особенного нет. Я говорю вам, что как только я обратно прикрою ее стеклом, с него будут спускаться в банку таинственные духи и примут вид дымовидных змей, извивающихся всевозможными причудливыми способами, пока не наполнят всей ее огромной внутренности густым белым дымом. Я прикрываю банку стеклом и вы видите, что все происходит так, как я указал...

Любой химик, сидящий среди вас, конечно, сейчас же скажет, что на дно банки я плеснул перед лекцией несколько капель крепкого нашатырного спирта, а на верхнюю поверхность закрывавшего банку стекла я размазал, перед опытом, несколько капель крепкой соляной кислоты. Пока смоченная этой кислотой поверхность

стекла, прикрывавшего банку, была обращена вверх, никакой реакции внутри не происходило. Но открыв банку, чтобы показать вам, что в ней ничего нет, я прикрыл ее снова, но уже верхней стороной вниз, и тяжелые газы хлористого водорода стали спускаться со стекла в банку. Встречая в ней аммиачные пары, они стали соединяться с ними в мельчайшую, белую, дымовидную пыль нелетучего нашатыря, вследствие чего и произошли эти причудливо извивающиеся фигуры... Но ведь для древних, да пожалуй и для современных мистически настроенных и невежественных людей, все это были бы настоящие живые духи, заключенные мною какими-либо заклинаниями в банку и принявшие по моему приказанию дымовидные формы.

Все эти простые (и нарочно простые, чтобы каждый из вас мог при желании повторить их дома) опыты я нарочно привел вам здесь, чтобы показать, до какой степени химия должна была поражать своими результатами воображение древних и средневековых исследователей и как она неизбежно должна была наводить их на мысль о бесконечном могуществе того, кто проникнет во все ее тайны. Вы видите, что нет науки, которая до такой степени могла бы воздействовать на фантазию неподготовленного к ней человека. Здесь перед вами не рассказ о чудесах, виденных кем-то, где-то, и всегда способных возбудить скептицизм человека, не доверяющего чужим маловероятным сообщениям, а действительные чудеса, которые могут быть воспроизведены перед всяким скептиком. В одно и то же время, химия дает и целебные и убийственно действующие вещества, видимое превращает в невидимое и невидимое в видимое. При мистическом настроении средних веков, это действительно была наука наук, и разыгравшаяся фантазия естественно должна была направиться на открытие такого вещества, которое давало бы человеку вечное здоровье и бесконечное могущество.

* * *

Все это предисловие я сделал исключительно для того, чтобы вам не показались слишком странными и невероятными экстравагантные мечты и умозаключения химиков древности и средневекового периода.

Из сочинения “Слава Мира” (“*Gloria Mundi*”). Учитель и ученик под деревом знания. Мужчина на льве слева внизу — символ земли; дракон под ними — символ огня. Внизу справа женщина, плывущая на дельфине, символизируют воду, а птица над ними — воздух. Птицы над деревом символизируют перегонку, а выходящее дитя — результат реакции.

Я хотел бы сообщить вам здесь не сухой набор фактов из истории химии прошлого, но и дать вам понятие о психологии тех пионеров этой науки, которые расчищали для нас наудачу первые извилистые тропинки в темном лесу неведомого. Мне хотелось бы сделать для вас ясным, почему наука о строении вещества, после своего возникновения неизбежно должна была пройти сначала через стадию магии, а затем стадию Алхимии.

Магия с этой точки зрения является только первой стадией развития науки о веществе, а Алхимия — естественным завершением магии, когда, благодаря

накоплению реальных знаний, широко разыгравшееся воображение человека должно было наложить на себя первую узду...

Теперь мы прошли уже через обе эти ступени и находимся, наконец, на прямой и широкой дороге к вечной цели всех исследователей — истине. Мы живем в этом мире, глядя вперед и не думая о трудном пути наших предшественников, и часто даже не можем себе представить их настроения. Мы, например, спокойно ездим на лошадях, ни разу в своей жизни не подумав о том, каким героем должен был показаться окружающим, да и в самом деле, был тот древний человек, кто первым осмелился вскочить на спину этого необузданного по тому времени животного и, проскакав на нем диким галопом неизвестно куда, сумел укротить и подчинить его себе, на диво всему своему племени. Мы чиркаем спичкой и равнодушно получаем огонь, ни разу не вспомнив о том, как всего два поколения тому назад, наши деды должны были каждый раз добывать себе пламя ударами кремня об огниво на высохшем куске трута и раздувать тлеющий кусок до тех пор, пока лежащая на нем лучинка не соблагоизволит загореться. История занесла в свой длинный свиток имя изобретателя спичек, но не сказала нам, кто был тот Прометей, который открыл первоначальный способ искусственного добывания огня, этого важнейшего средства химии, и каково было его торжество и суеверный страх, когда он, долгим трением одного куска дерева о другое, вдруг получил к ужасу окружающих этот "красный цветок", все согревающий и всепожирающий!

Да! Мы живем, окруженные древними чудесами, и все, что мы видим на себе и вокруг себя, помимо непосредственных произведений природы, представляет произведение человеческого гения, торжество какой-нибудь любознательной души!

ГЛАВА II

Красный Камень алхимиков

Как и все наши науки, химия в средние века еще не обособилась в отдельную самостоятельную область знания. Ее содержание было тогда слишком незначительно, чтобы

Мистический пантакль Иезекииля и Пифагора.

поглотить собою все внимание и все время любознательного человека, а потому некоторые средневековые трактаты, где говорится о ней, нередко носят очень странные названия. Кому бы, например, в настоящее время пришло в голову написать сочинение под названием *“О добродетели и составе воды”*? Ведь добродетель и химия кажутся нам теперь двумя совершенно различными категориями знания! А однако, такой трактат, даже в XIX веке (до исследований Бертелло), приписывался ученому IV века н.э. Зосиму, и по старинным понятиям такое соединение науки и морали было совершенно естественно. Религия тогда была как бы особым родом естественной философии,

объединявшей в одно целое все зачатки древнего знания. Она служила тогда как бы оболочкой науки.

Но эта религиозная оболочка древнего знания, как и всякая чужая одежда, бывала иногда стеснительна и для самого своего носителя. Принявшая мистический оттенок, религия древности наложила специфический отпечаток и на саму мораль, и на все находившиеся в зависимости от нее науки. Химия под влиянием мистического миро-созерцания перешла, как я уже сказал, в Алхимию, астрономия — в астрологию, а математика — в каббалистику. Первая стала особым родом колдовства, а две последние превратились в особого рода гаданье по звездам и по числам... Затем, с конца четвертого века, в Европе и в прилегающих к ней цивилизованных странах Азии и Африки наступил еще более губительный период. Превратившись в простую союзницу самодержавных византийских царей, христианская церковь превратила и саму религию из оболочки первобытной морали и науки в опору абсолютизма, и начала преследовать огнем и мечом все проявления свободной мысли своего времени. Сожжение Александрийской библиотеки византийским епископом Феофилом во второй половине четвертого века и бесконечный ряд таких же проявлений цензуры, предававшей огню всякую научную книгу, какую монахам начала средневековья удавалось где-нибудь найти, лишили нас почти всех драгоценных документов древности, необходимых для восстановления в истинном виде первых шагов возникавших тогда наук. О первоначальной истории химии уцелели и дошли до нас лишь несколько отрывочных легенд.

* * *

Я уже говорил вам, что основателем химии считался в эпоху Возрождения и первые века нашей книгопечатной эры Гермес Трисмегист, т.е. Гермес Трижды Величайший, сын Озириса и Изиды, открывший и все другие науки

того времени. По его имени и сама химия стала называться герметическим искусством (*ars hermetica*). Еще раньше ее называли спагирией и спагирическим искусством, а откуда получила она свое современное название химии, до сих пор остается не выясненным, хотя приставка **аль-** в слове Алхимия и показывает, что это своеобразное направление пришло к нам через арабов, у которых частица **аль-** служит артиклем.

Все греческие авторы, жившие до начала нашей эры, такие как Останес и Памменес, Пелаг, Демокрит, Клеопатра VII, Петазий и другие, а также и авторы первых веков христианства, такие как Аполлоний Тианский, Зосим из Панополиса (V века), Архелай, Синезий (V века) и Стефан (VI века), от которого, как думали алхимики эпохи Возрождения, химия перешла к арабам, по-видимому, настолько же легендарны, как и сам Гермес Трижды Величайший, и поэтому все, что мы знаем относительно теоретических представлений философов этого периода об эволюции металлов в природе, заключается лишь в том, что египетские ученые, по-видимому, считали "отцом" всех металлов свинец, а греки александрийского периода — ртуть, но и это еще подлежит сомнению.

Правда, печатные алхимические сборники и отдельные издания первых веков книгопечатания (с середины XV века) — наши главные документы для изучения первоначальной истории всех наук и искусств — дают нам очень много сочинений, носящих имена древних авторов*, но это объясняется очень легко.

Дело в том, что со времен изобретения печатного станка и связанного с этим быстрого скачка вперед во всех областях науки, многочисленные авторы средних веков почти не имели возможности сами издавать свои сочинения

* Например, приведенная нами выше "Изумрудная Скрижаль" Гермеса Трижды Величайшего и его же "Семь Глав"; "Хризопея" Клеопатры VII и т.д.

по причине дороговизны, существовавшей на заре книгопечатания, и естественной неохоты профессиональных издателей тратить деньги на опубликование никому не известных начинающих авторов. Трудлюбивому человеку, потратившему много лет на составление ученой книги, ничего не оставалось делать, как отдать ее под покровительство какого-либо короля или магната, посвятив ему в торжественных выражениях свой труд, чтобы он, из честолюбия, дал средства на его издание. Вот почему первые страницы почти всех старинных научных книг украшены, в виде своих предисловий, так сказать, пропускными билетами разных феодалов, а иногда и их неотносящимися к делу портретами, игравшими роль паспортов для выпуска книги в свет.

Эти пышные посвящения не были, как можно подумать на первый взгляд, простым проявлением лести, а лишь печальной необходимостью, и без них все эти книги никогда не были бы опубликованы.

Но было много авторов, которые не имели даже и такого средства попасть в печать, так как были слишком незаметны для того, чтобы получить субсидии от богатых лиц или не хотели ими пользоваться. Таким, для появления в свет и быстрого распространения, оставалось только одно, чрезвычайно заманчивое для всех непризнанных писателей, средство: выдать свою книгу за перевод рукописи или подлинное произведение какой нибудь древней знаменитости. Легковерные издатели сами тогда являлись с предложениями.

Исторической экспертизы древних документов по содержанию, почерку и бумаге тогда не было и в зародыше, а в случае перевода всегда можно было показать как подлинник любую еврейскую, арабскую или греческую книгу, которая для тогдашнего издателя ничем не отличалась от китайской. В результате выходило то, что если автор и заявлял потом, после распространения книги, претензию

на авторство, то все считали его за простого хвастуна, и его претензия забывалась после его смерти.

Вот почему новые методы исторической экспертизы сразу открывают нам целые ряды таких подлогов, все равно, приходится ли их считать сознательными, вроде тех, о которых я сейчас вам говорил, или бессознательными, происшедшими от легкомысленного отождествления рукописи какого-либо анонимного средневекового ученого, найденной где-нибудь в архиве, с произведением какой-либо одноименной или даже разноименной с ним древней знаменитости.

Не так давно, путем применения астрономического метода при выяснении времени возникновения Апокалипсиса, мне удалось обнаружить целый ряд подлогов среди книг и речей, приписываемых Оригену, Иринею, Викториану, Тертуллиану и другим церковным писателям первых четырех веков нашей эры — книг, придавших совершенно ложный вид первоначальной истории христианства, особенно по отношению к его идейной части. Что же касается химии, то здесь радикальная расчистка была сделана знаменитым французским ученым Бертелло еще в восьмидесятых годах XIX века*. Только с этого времени и стала возможна правдоподобная история химии.

Руководствуясь его изысканиями, мы можем теперь сказать, что безусловно достоверные исторические документы мы имеем лишь в трактатах, носящих на себе имена авторов не ранее XII века. Первоисточником всех наших сведений по древней химии служат, как и в истории теологии и других наук, почти исключительно печатные сборники XVII и XVIII веков, важнейшими из которых для химии является "Theatrum Chemicum", относимый к

* Основные книги Бертелло: *Les Origines de l'Alchimie*. Paris 1885; *Introduction a l'etude de la chimie des anciens et du moyen age*. Paris 1889; Berthelot et Ruelle. *Collection des anciens alchimistes grecs*. Paris 1887. 3 Vol; *La Chimie au moyen age*. 3 Vol.

началу XVII века, и “Bibliotheca Chēmica”, изданная Манже в 1702 году.

К этому же или, в редких случаях, немного более раннему периоду принадлежат и все изданные потом или совсем не изданные рукописи, хранящиеся в различных библиотеках. Более древних теоретических трактатов в подлинниках, к сожалению, не сохранилось. Копиям же и цитатам доверять нельзя уже только потому, что в таком случае пришлось бы признать за факт и открытие Адамом Философского Камня, и целую гору невероятных превращений, достигнутых древними алхимиками. Все отдельные сочинения, приписываемые первым авторам той же допечатной эпохи, относятся также к эпохе Возрождения, по крайней мере, едва ли ранее XII века. Как один из самых древних отрывков приведу лишь апокриф, который приписывался, да и теперь приписывается некоторыми Зосиму из Панополиса, жившему, как думают, в IV веке.

Подобных средневековых авторов следует отделять от полумифических писателей древности, как это часто делают теперь, приставкой частицы *псевдо-*, говоря, например, Псевдо-Демокрит вместо Демокрит, или оставляя исковерканное имя “Гебер” за книгами анонимных европейских авторов, выдававших свои сочинения за переводы произведений арабского ученого VIII века Джабира ибн Гайяна и переделавших его в Гебера по средневековой привычке перепутывать все иностранные имена.

* * *

Если верить тем же средневековым писателям, то именем Джабира ибн Гайяна начинается вторая, арабская эпоха в истории химии.

Действительно, к концу VIII века церковный гнет в Византии стал до того нестерпим, что всем наукам пришлось бежать к арабам, у которых Багдад сделался центром цивилизации. К ним бежала и неокрепшая еще химия и нашла

у них радушный приют до тех пор, пока постепенно развившийся на Востоке, как и на Западе, духовно-светский абсолютизм не изгнал все науки из арабских стран обратно в Европу.

Этот полулегендарный период химии называет кроме Джабира ибн Гайана, жившего в VIII веке н.э. в Багдаде, и другие имена, послужившие паспортами для выхода в свет различных алхимических сочинений, принявших вид переводов с арабского, и отсутствующих на арабском языке. Наиболее популярными из них были в эпоху Возрождения: Ар-Рази или Разес, работавший, как говорят, в Багдаде в IX веке н.э.; затем полулегендарный Мориен, бежавший из Рима к другому, еще более легендарному в X веке египетскому царю-алхимику Калиду; Авензоор, Алфидий и Авиценна в Ширазе (Персия), самый последний из восточных философов.

В чем же, собственно, заключались действительные работы и теории арабских химиков? Этот вопрос требует еще серьезной работы, но, несомненно, они сделали несколько интересных открытий, которыми мы сегодня ежедневно пользуемся в наших химических лабораториях.

Но этот период был непродолжителен. К началу XII века омусульманившиеся Египет, Персия и Аравия, и подавленная Греция заснули мертвым сном на много веков. Фанатические монахи и короли крестовых походов довершили удар, предав огню и мечу все попадавшиеся им на пути арабские города. Но как бы назло гоненьям, а может быть, и вследствие самих крестовых походов, неволью расширивших умственный горизонт многих из их участников, изгнанные науки перебросились обратно в Западную Европу.

* * *

Естественное завершение всякого религиозного фанатизма — это шарлатанство. С постоянным переходом на эту последнюю стадию своего развития, духовное са-

модержавие становится сравнительно все более и более безвредным.

Этот процесс перерождения начался в Западной Европе вскоре после крестовых походов, и поднявшая снова свою голову химия сейчас же ознаменовала свое возрождение многими интересными сочинениями, выданными их авторами за перевод уже упомянутых нами арабских писателей.

Мориен. С гравюры де Врисса.

Наиболее древним из этих лжепереводчиков приходится считать, по исследованиям Бертелло, Роберта Кастрензия, который под видом перевода с арабского и от имени бежавшего в Египет Мориена, написал книгу под названием “*Книга об алхимическом составе*” (“*Liber de compositione alchemica*”). В издании “*Bibliotheca Chemica*” 1702 года она помещена с заметкой, будто Кастрензий закончил свой лжеперевод 11 февраля 1182 года. Но так как подлинника этой книги нет на арабском языке, то невольно появляется сомнение и в самой дате составления псевдоперевода. Что же касается рукописей, содержащих подобные переводы, то мы в настоящее время не имеем ни одной, написанной ранее XIV века.

О способах, употреблявшихся тогда для превращения одних металлов в другие и об идеях, направлявших исследователей, мы можем в настоящее время сказать только одно. Все они были недоразумениями, неизбежно возникшими благодаря удивительным свойствам некоторых химических реакций.

Первый же исследователь, который увидел, как потертая ртутью медная монета принимает вид серебряной, был, конечно, так же экзальтирован происшедшим превращением, как и тот, кто первый сплавил бронзу. В старинной книге "*Смысл философов*" ("*Turba phylosophorum*") существует, между прочим, такой рецепт приготовления серебра и золота из меди:

"Возьми ртуть, сделай ее густой путем прибавки магнезии или сернистой сурьмы или негорючей серы. Сделай этим ее природу белой, и тогда, положив ее на медь, увидишь, что медь побелеет (конечно от амальгамирования — авт.). Если сделаешь ее природу красной (киноварью? — авт.), то и медь покраснеет и после нагревания сделается золото".

Никаких достоверных и детально разработанных теорий эволюции вещества мы не видим вплоть до Роджера Бэкона, которого не следует смешивать с Бэконом Веруламским, современником Шекспира.

* * *

Роджер Бэкон, этот замечательнейший из ученых средних веков, родился в Сомерсете в Англии около 1214 года и умер в Оксфорде в 1294 году.

В библиографических сведениях о нем так же трудно разобраться, как и во всех средневековых сообщениях о жизни других знаменитых деятелей допечатной эры. Но в общих чертах мы можем сказать о нем следующее: любовь к естествознанию и творческие способности обнаружались у него еще в очень раннем возрасте.

Быстро окончив свое образование в Оксфордском университете, он, после непродолжительной профессуры, отправился, по обычаю того времени, держать магистерский

Из книги Куррата.

(Чем помогут факелы, свечи или очки, если люди не хотят видеть ?)

экзамен в Парижском университете. Получив там желаемое звание "magister en sciences et docteur en theologie", он возвратился около 1250 г. в Оксфорд уже в качестве патентованного молодого ученого. Открыто проповедуемые им идеи о единстве вещества и о вытекающей отсюда возможности техническим путем превращать одни его видоизменения в другие, а также и постоянные уединенные лабораторные занятия с этой целью, скоро сделали его в глазах толпы обладателем способов превращения дешевых

металлов в серебро и золото. Но это была по тому времени опасная репутация. Золото и серебро нужно было и монархам и духовенству, и в истории Алхимии мы видим не один пример, когда людей, претендовавших на знание такого секрета, коронованные особы или церковные магнаты без церемонии сажали в тюрьму и подвергали пыткам, в надежде выведать у них “тайну” и употребить ее на свою пользу.

Бэкон, конечно, был в лучшем положении, как человек искренний, и потому не утверждавший, что владеет надлежащими средствами. Но он выражал уверенность, что находится на верном пути к этому, и потому духовенство, жаждавшее получить будущее открытие в свои руки, лишь принудило его в первое время вступить в орден францисканцев, вероятно гарантировав ему в этом случае безопасность от покушений коронованных особ.

Только этим обстоятельством и можно объяснить последующие события его жизни, остающиеся иначе очень несвязанными. Чуждый всякого лицемерия и притворства, он первый объявил ошибочность знаменитой в его время науки — магии* и, несмотря на свое монашеское звание, смело провозгласил с Оксфордской кафедры, что только опыты и наблюдения, а не слепая традиция лежат в основе истинного знания. Он целые дни и ночи занимался этими опытами и наблюдениями, а местные главы церкви зорко и с недоверием следили за ним, чтобы вырвать у него секрет превращения в самый момент его открытия и не дать ему опубликовать его во всеобщее сведение. Может быть с этой целью лучшего наблюдения, а может быть и для того, чтобы дать ему при Парижском университете больше средств для его работы, протектировавший ему сначала папа Климент IV перевел его в Париж. Там его слава, как серьезного ученого, достигла апогея, а вместе с тем

* “Письма о тайных действиях искусства и природы и о ничтожестве магии” (“*Epistola de secretis operibus artis et naturae ac nullitate magiae*”).

сделала несомненным в глазах как светских, так и духовных властей, и тот воображаемый факт, что он обладает уже секретом как делать золото. Вполне возможно, что утверждению такого мнения способствовал и какой-нибудь случайный опыт Бэкона, когда он, получив в своей лаборатории вещество, похожее на золото, с восторгом объявил окружающим, что цель его, наконец, достигнута, и открытое им средство требует только окончательной обработки.

Понятно, что в случае такого заявления, ничто уже не могло бы убедить жадных монахов в его ошибке, они навсегда остались бы уверенными, что он просто хочет удержать свое открытие исключительно для себя.

Но как бы то ни было, не прожил Бэкон и нескольких лет в Париже, как глава его ордена около 1266 года посадил его в тюрьму... Предлогом для заключения было обвинение в ереси и магии, но на самом деле он был уединен по совершенно другим причинам. Бэкону, несомненно, было предложено немедленно открыть свой секрет папе под страхом оставаться в заключении всю свою жизнь. И вот, лишенный всяких средств работать опытным путем, заключенный в одиночной камере без права каких бы то ни было сообщений с внешним миром, с одними лишь сочинениями предшествовавших ему ученых, Бэкон ходил без конца по своей келье, предаваясь размышлениям и наталкиваясь при своем живом уме на все новые и новые идеи, проверить которые опытом он не имел уже более никакой возможности. Всякая передача его рукописей посторонним, за исключением одного римского папы, была запрещена его тюремщикам под угрозой тяжкого наказания.

Отрезанный от всего живого мира, от своей любимой лаборатории, от своих внимательных учеников, дороживших когда-то каждым его словом, он мог теперь читать только чужие сочинения, которые, по-видимому, охотно и легко доставлялись ему монахами, так как два написанные им в заключении трактата переполнены цитатами из Гермеса

Трижды Величайшего и еще другого какого-то анонимного философа.

По требованию папы сообщить все, что он знает о способах приготовления золота, Бэкон написал и послал ему из своей темницы два сочинения. Сначала (в 1267 г.) "*Opus Majus*" ("*Большой Труд*"), и затем вскоре "*Opus*

Из книги Василия Валентина "*Семь ключей мудрости*". Ключ VI. Мужское и женское начало — сера и ртуть — соединяются браком, под покровительством Солнца и Луны. Дождь вдали — символ конденсации паров, происходящей при этом. По бокам — символы перегонки, сухой и влажной.

Minus" ("*Малый Труд*") и начал писать "*Opus tertius*" ("*Третий Труд*"), когда духовенство, убедившись, по видимому, из его посланий и долголетнего бесплодного заключения, что он действительно еще не нашел секрета искусственного приготовления золота, выпустило его в 1287 г. на свободу, после более чем двадцатилетнего одиночного заключения!

Он тотчас уехал в Оксфорд от ненавистных ему теперь монахов, на истинные цели которых у него давно открылись глаза, и написал там свой "*Трактат по философии*", в котором открыто восстал против духовенства.

За этот трактат или, может быть, благодаря вновь возникшим слухам, что ему стали, наконец, известны средства превращения всех металлов в золото, он снова был посажен монахами в темницу, где и пробыл несколько лет в одиночном заключении вплоть до 1292 года, когда от бесконечных страданий у него окончательно расстроилось здоровье, и он умер в 1294 году, около 79 лет от роду*.

Тяжелые условия для научных трудов Бэкона, написанных главным образом в темнице, наложили свой неизгладимый отпечаток на все его произведения. Вместо немедленной опытной проверки каждой возникавшей в его голове идеи и быстрого ее отвержения, если после проверки она оказывалась неправильной, ему в продолжение долгих лет приходилось обдумывать идею в своей голове до того, что, наконец, он сроднялся с нею, как со своим неразлучным спутником. Взамен здоровых мыслей, подсказываемых опытом и наблюдением, монахи снабжали его в заключении только непонятными и искаженными переводами древних псевдомудрецов, в сочинениях которых они, по привычке к ортодоксальной теологии, видели главную мудрость и решение всех вопросов религии и науки. А эти сочинения подсказывали Бэкону лишь ложные идеи, направляли его гениальный ум и богатое воображение на совершенно неправильную дорогу.

Однако, несмотря на все поистине невыносимые условия его существования, его трактаты по Алхимии являются самыми стройными из всех дошедших до настоящего времени и везде носят следы его гениального ума.

* Его главнейшие работы по химии: "*Alchemia major*"; "*De Leone viridi*" (особый ртутный препарат), "*Secretum secretorum*", "*Breviarium de dono Dei*", "*Speculum Alchemiae*" и т.д. Все эти работы впервые изданы в "*Thesaurus chemicus*" в начале XVII века и в "*Bibliotheca chemica*" Манже, отпечатанной в 1702 г., т.е. через четыреста лет после смерти автора по утраченным теперь рукописям, вследствие чего и трудно поручиться за их полную достоверность.

При других условиях, из Бэкона вышел бы Ньютон современной химии, а теперь в его лице мы видим Ньютона, из которого церковное самодержавие средних веков сделало больного мечтателя, истинного отца последующего алхимического направления в учении о строении вещества. Это фантастическое направление несколько веков кружило науку в омуте бесплодной схоластики, несмотря на то, что основная идея Бэкона о единстве вещества и об эволюции всех его видов из двух-трех промежуточных начал и была как бы гениальным провидением грядущего направления химии, той новой эры в ее истории, которая, по-видимому, наступает только теперь, со времени открытия радиоактивных веществ.

* * *

Трактат Бэкона "*Зеркало Алхимии*", написанный им в темнице около 1267 г., является чуть ли не самым древним из всех обстоятельных книг о способах превращения металлов.

Его влияние замечается во всех последующих сочинениях, как подлинных, так и приписываемых предшествующим арабским и греческим авторам, и потому я более подробно познакомлю вас с этим сочинением, краеугольным камнем всего алхимического направления в химии.

Прежде всего для нас интересны, конечно, определения, какие давали своей науке алхимики той эпохи. С обычной своей систематичностью Бэкон в первой же главе вполне удовлетворяет нас на этот счет.

“По мнению Гермеса Трижды Величайшего, — говорит он, очевидно приписывая свои собственные мысли этому легендарному лицу, — Алхимия есть непреложная наука, работающая над телами с помощью теории и опыта и стремящаяся путем единственных соединений превращать низшие из них в более высшие и более драгоценные

видоизменения". По мнению другого философа (которого Бэкон цитирует и далее много раз, не называя), "Алхимия обучает трансформировать всякий вид металлов в другой, с помощью специального средства, как это можно видеть из многочисленных сочинений философов".

Такими точными определениями Бэкон сразу вводит нас в мир философских идей о строении металлов, идей, вырабатывавшихся в XIII веке, основой которых служила неугасавшая с тех пор мысль о единстве внутреннего состава всех видов вещества, а следовательно, и о возникновении их в природе из одного общего источника. Однако первые попытки детальной обработки плодотворной в своей сущности мысли Бэкона пошли по ложному пути, и это было совершенно неизбежно.

Заметив, что почти все металлы, известные до того времени, "поглощаются" ртутью, т.е. образуют с нею амальгамы, и снова "возникают" из ртути при ее кипячении, первые исследователи естественно напали на мысль, что ртуть есть мать всех остальных металлов.

Заметив затем, что все эти металлы при соединении с серой, превращаются в землистые вещества, из которых снова можно получить их обжиганием, старые химики пришли к неизбежному для них выводу, что этот сульфур-сера есть отец всех металлов.

Руководствуясь обычным для этого времени представлением, что все камни и минералы зачинаются в недрах земли, растут и зреют, а затем стареют и разрушаются аналогично животным и растениям, но только несравненно медленнее, кто-то из ученых (может быть и сам Бэкон, ввиду сомнительности предшествующих ему документов) высказал мысль, что все металлы зачинаются в недрах земли соединением между собою ртути, как женского начала, и серы, или серы, как мужского начала.

Это аллегорически изображалось в некоторых сочинениях (например в сочинении Бархузена "*Liber-Singularis*",

"Удивительная книга") соединением солнца и луны, как отца и матери планет. Над солнцем поставлен алхимический знак сульфура, а над луной — знак ртути; под ними же находится вся природа, как результат соединения этих двух родоначальников.

Сами же сульфур и ртуть произошли, по мнению алхимиков, из соединения между собою четырех древнегреческих стихий или элементов всего существующего: земли, воды, воздуха и огня. Символически они изображены в книге Ямстгалера "Химический путеводитель" ("Viatorium Spagiricum") в виде четырех дев, под ногами которых в шарах заключены их алхимические знаки — треугольники разного вида, а над головами урны с символами их свойств: фавна — для земли, водяного — для воды, орла — для воздуха и львиной головы — для огня.

Так новое мировоззрение было приведено в согласие с древнегреческими традициями...

Нам странны теперь подобные представления о ртути и сере. С середины XIX века мы знаем, что оба они вовсе не "отец и мать" остальных металлов, а их "братья по периодической системе минеральных элементов", т.е. продукты эволюции вещества, стоящие на той же самой ступени сложности, как и все металлы полных периодов этой системы. Но древние не имели еще никакого понятия о законе периодичности, даже о самом атомном весе, а потому для нас не должны быть удивительны и следующие слова Бэкона в начале второй главы его книги:

"Я буду говорить здесь о происхождении металлов и об их естественных началах. Заметьте, прежде всего, что начала металлов суть: ртуть и сульфур (сера). Эти два начала породили все металлы и минералы, хотя и существует большое количество видоизменений у последних. Кроме того я говорю, что природа всегда имеет своей целью и беспрестанно стремится достичь совершенства, т.е. золота. Но вследствие различных случайностей, мешающих ее

ДОРОГА ДОРОГ (Рецепт Философского Камня в ответ на требование римского папы)

“Почтенный отец! Приблизь с благословением ухо и знай: ртуть есть семянная жидкость всех металлов... И вот доказательство. Всякое вещество состоит из элементов, на которые его можно разложить. Возьму неопровержимый и легко понимаемый пример. С помощью теплоты лед расплавляется в воду, значит он из воды. И вот все металлы растворяются в ртуть, значит ртуть есть первичный материал всех металлов” (начало трактата)....

...”О отец, полный благочестия! Да увеличит в тебе Бог дух понимания, чтобы ты хорошо взвесил, что я скажу сейчас. Элементы не могут быть зачаты иначе, как от собственной семянной жидкости. И вот эта жидкость и есть ртуть. Отсюда случилось, что, думая поступить наилучшим способом, возгоняют ртуть, осаждают, соединяют с другими телами и ничего не получают*. Это вот почему. Семянная жидкость не может изменяться сама по себе, она остается как есть. Она производит свое действие только в том случае, если будет внесена в чрево женщины... Вот почему философ говорит: если наш Камень не положен в чрево самки для питания, то он не увеличится! О мой отец! Вот ты теперь, согласно твоему желанию, в обладании Камня философов. Слава нашему Богу!”**

* Здесь мы видим указание на многочисленные попытки получить из ртути золото и серебро.

** По замечанию издателя, письмо это было передано Папе Бенедикту XI в 1303 году Арнольдом из Виллановы, и Бертело считает его подлинным. Оно напечатано впервые в 1550 году во Франкфурте в сборнике: *"De alchemia opuscula veterum philosophorum"*, а затем в Кельне в 1702 году в *"Bibliotheca chemica"* Манже. Я беру только начало и конец, где резюмирована вся суть дела. Можно же себе представить, какого рода опыты были произведены монахами благодаря этому письму посаженного им в тюрьму или скрывающегося от них “обладателя Философского Камня”.

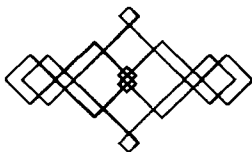
КАМЕНЬ УРИНЫ

Достоверное и справедливое сочинение
Исаака Голланда.

Простой способ приготовления Философского Камня из мочи.

“Прежде, нежели наш Камень сделается, то живет уже он; если же его найдешь, то умрет. Всякий, смотря на него, зажимает нос от его смраду. Он садится по сторонам сосуда, в котором долго находился, и каждый зажимает еще и тут нос от его состава или вонючего воздуха. Как бедные, так и богатые, младые и старые имеют его. Незнающие искали его в грязи, но не обрели. Доколе ты живешь, до того времени и он с тобою неразлучен бывает... Его находят везде в изобилии, даже и звери имеют его в себе, но не в таком совершенстве. Без него ничто в свете не живет. Я тебе довольно говорил, дабы уразуметь. Если же ты не понимаешь, то это есть знак, что всемогущий Бог не хочет тебе сего дара открыть...”

Если же ты сей Камень знаешь, то возьми его так, каков он есть... Когда ты его сгустишь, то выпари из него две стихии, воздух и огонь, третья же часть, т.е. земля, сожженная наподобие черного угля, лежит на дне сосуда, и в ней-то находится Камень древних премудрых философов”.

работе, происходит разнообразие металлов, как это ясно изложено многими философами.

Соответственно чистоте или нечистоте этих двух компонентов, т.е. ртути и серы, происходят совершенные металлы — золото и серебро — или несовершенные — олово, свинец, медь, железо (других металлов Бэкон, как и все средневековые химики, еще не знал — авт.). Соберем же с благоговением следующие указания о природе металлов, об их чистоте и нечистоте, об их бедности или богатстве в упомянутых двух началах.

Природа золота.

Золото есть тело совершенное, составленное из чистой, блестящей, постоянной, окрашенной в красный цвет ртути и из чистого, постоянного, окрашенного в красный цвет серы (серы — авт.). Золото совершенно!

Природа серебра.

Это тело чистое, почти совершенное, составленное из чистой, блестящей, белой, почти отвердевшей ртути. Его сера имеет такие же качества. Серебру недостает только немного более (удельного — авт.) веса, постоянства и цвета (окраски — авт.).

Природа олова.

Это тело чистое, несовершенное, составленное из чистой, постоянной, блестящей, летучей, белой снаружи и красной внутри ртути. Его сера имеет те же свойства. Олово только немного недопечено и недоварено.

Природа свинца.

Это тело несовершенное и нечистое, составленное из нечистой, неустойчивой, землистой, распыляющейся, слегка белой снаружи и красной внутри ртути. Такова же и его сера, притом из самых горючих сортов. Свинцу

недостаёт чистоты, прочности, цвета. Он недостаточно проварен.

Природа меди.

Медь — металл нечистый и несовершенный, составленный из нечистой, неустойчивой, землистой, красной без блеска, горючей ртути. То же самое и относительно её серы. Меди недостаёт прочности, чистоты, веса. В ней слишком много землистых негорючих частиц и нечистого цвета.

Природа железа.

Железо есть тело нечистое, несовершенное, составленное из ртути нечистой, слишком прочной, содержащей землистые частицы, белой и красной, но без блеска. Ему недостаёт плавкости, чистоты, веса. Оно содержит слишком много нечистой серы и землистых горючих частичек.

Алхимик должен принять во внимание все предыдущее.

* * *

Вы видите, что из нескольких десятков металлов, известных в настоящее время, здесь приведены только шесть, да ещё упомянута ранее, в качестве их матери, ртуть.

Действительно, только эти металлы и были известны во время Бэкона. Почти все другие, за исключением сурьмы, были открыты уже после Лавуазье, в XIX веке. Средневековые алхимики даже отказались бы и признавать какой-либо новый металл за металл, по каббалистическим соображениям относительно таинственного смысла числа семь в истории мироздания. Припомним только значение, придаваемое этому числу автором Апокалипсиса, разделившим на семерки даже и наблюдаемые им облака грозы, послужившей одним из поводов к составлению им своего пророчества. Золото у алхимиков эпохи Возрождения

соответствовало солнцу и изображалось в их книгах тем же знаком. Серебро соответствовало луне. Медь соответствовала Венере, железо — Марсу, олово — Юпитеру, свинец — Сатурну и, наконец, мать металлов, ртуть, обыкновенно соответствовала Меркурию, имя которого сохранила в латинских языках даже и теперь (у некоторых авторов она соответствовала луне — как матери планет).

Ввиду существования, кроме солнца и луны, только пяти известных древним планет, не могло быть, по этим каббалистическим соображениям, и металлов более пяти, с прибавкой золота и серебра, соответствовавших солнцу и луне. Вот почему в некоторых из старинных сочинений мы и видим гравюры, изображающие их непременно в числе семи. Так в книге Нортон *"Верь мне"**, находится эмблематический рисунок, где сдвоившиеся сульфур и ртуть лежат под деревом под покровительством планеты Меркурия, а вдали вырастают семь деревьев — металлов. А в уже цитированной ранее книге Ямстгалера *"Viatorium spagyricum"* семь металлов в недрах земли символизированы в виде семи древних богов, укрывшихся в пещере.

Посреди всех сидит Аполлон, бог солнца и золота, а рядом с ним Венера и Диана, богини серебра и меди. На заднем же плане стоят Юпитер, Марс, Сатурн, гложащий ребенка, и Меркурий, как последовательные символы олова, железа, свинца и ртути.

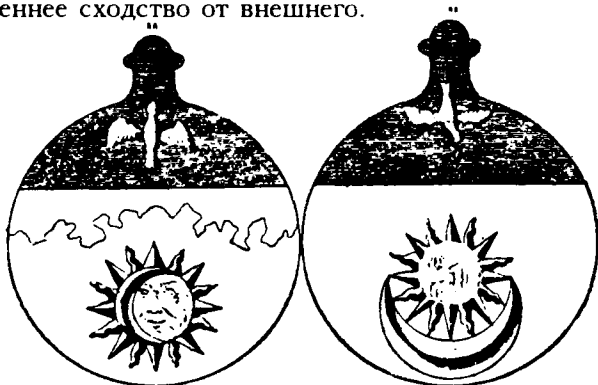
Мы видим, что олицетворение генезиса металлов здесь не вполне систематизировано, так как бэконовская мать металлов — ртуть — помещена на второстепенном месте. Такие несоответствия, конечно, и бывают всякий раз, когда, благодаря естественному развитию идей, старинные представления и аналогии последовательно сменяются новыми.

* Northon. *Crede mihi*.

* * *

Аналогия есть могучее орудие исследования, но только тогда, когда мы сравниваем между собою явления, действительно родственные по своим основным признакам, а не по признакам, выхваченным наудачу. Наука же средних веков была еще настолько слаба, что не давала возможности отличать существенное от второстепенного, внутреннее сходство от внешнего.

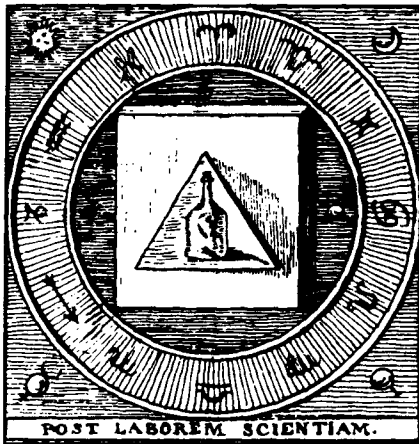

Два философских яйца. В первом возгоняется, во втором конденсируется смесь серы и ртути (киноварь? — авт.).

Самый гениальный человек того времени не мог открыть истинных отца и матери металлов в последовательной эволюции элементов на небесных светилах уже благодаря одному тому, что не имел этих родоначальников в своем распоряжении, да и не знал истинных законов эволюции самих светил. Благодаря этому всякое новое открытие в области химии сбивало исследователя на ложную дорогу. В течение моей лекции я приводил вам уже не один пример в пояснение этой идеи и даже указывал, что способность ртути растворять в себе металлы и потом, по испарении, возвращать их обратно, неизбежно наводила на идею считать ее их матерью, хотя ее старинное название *mercurium* и сопоставляло ее лишь с самым малым из всех астрологических светил. В старинной литературе есть ясные

указания на то, что некоторые алхимики думали, будто после растворения золота в ртути, оно там размножается и, по выделении, получается в большем количестве, чем было употреблено при растворении. Можете же себе

Красный элексир алхимиков под покровительством двенадцати знаков зодиака. Виньетка из А.Пуассона.

представить, сколько средств и сил было убито на такие опыты отдельными изолированными исследователями, пока долгие и повторные опыты растворения в ртути золота и серебра и обратного выделения их из амальгамы не убеждали в ошибочности такого предположения!

Но возвратимся к начатому нами разбору книги Бэкона "*Зеркало Алхимии*", как древнейшего из всех алхимических трактатов, в достоверности которого нельзя сомневаться. В дальнейших главах его книги мы снова находим совершенно здравые в своей основе рассуждения о том, что при разыскании методов превращения металлов мы должны руководствоваться не тем, что говорят старинные авторитеты, а непосредственным наблюдением и изучением их эволюции в природе. Но как быстро предвзятые

космогонические представления тех же самых авторитетов снова уводят его, в глубине его темницы, на ложную дорогу!

“Если мы не знаем способов изготовления золота, — говорит Бэкон в главе IV своего трактата, — то какова этому причина, как не то, что мы не наблюдаем средств, которыми каждый день природа совершенствует металлы? Не видим ли мы, что грубые вещества в рудных жилах так свариваются и уплотняются теплотой, находящейся внутри гор, что со временем трансформируются в ртуть? Не видим ли мы, что та же теплота, та же сварка превращает жирные частицы земли в серу, а приложенная долго к этим двум началам — сере и ртути — зарождает соответственно их чистоте все металлы? Не видим ли мы, что природа производит и совершенствует металлы одним нагреванием?”

О, бесконечное безумие! Кто, спрашиваю, кто обязывает вас стараться делать ту же самую метаморфозу неестественными и фантастическими средствами? Вот почему философ говорит: горе вам, желающим превзойти природу и сделать металлы более совершенными посредством других приемов, плодов вашего безумного упрямства! Бог дал природе неизменные законы, т.е. она должна действовать постоянным нагреванием, а вы, безумцы, вы ее презираете и не умеете подражать!”

Руководясь теми же самыми рассуждениями, вполне правильными в основе, но совершенно искаженными в деталях, вследствие ложных представлений о трансформации металлов в рудных жилах, Бэкон теоретически выводит и форму сосуда, необходимого для осуществления Великого Делания алхимиков.

“Когда природа варит металлы в рудных жилах посредством естественного огня, — говорит он в главе V своей книги, — она может осуществить их варку, только употребляя подходящее для этого вместилище... Значит, если мы хотим подражать природе, то безусловно необ-

ходимо, чтоб мы имели печь, похожую на рудную жилу, конечно, не по величине, а по расположению. Нужно, чтобы огонь, помещенный в ее глубине, нигде не находил выхода, чтоб не мог вырваться при поднятии; нужно, чтоб теплота была отражена на заботливо закрытый сосуд, в котором заключено вещество для изготовления Философского Камня", — и т.д. и т.д.

Таковы были размышления гениального узника во мраке его темницы. Год за годом проходили, не принося ему никаких указаний извне, никаких способов проверять на опыте свои снова и снова возникающие идеи и гипотезы для осуществления великих задач науки. Весь этот трактат носит на себе яркие следы систематической работы могущественного ума, скованного произволом и насилием, но работавшего, не угасая, все время за запорами своей кельи. Экзальтированный, наконец, до последней степени своими воображаемыми открытиями, он глубоко уверился в том, что стоит только сообщить о них миру, как они оправдаются на деле и осчастливят человечество. Но не имея возможности обмануть бдительность своих церберов и не желая сообщить им свой секрет, чтоб они не употребили его во зло, он и решился, по-видимому, уступить по внешности их требованиям и послать свой вывод папе, но в таком виде, чтоб он, как недостаточно знакомый с химией, ровно ничего не понял бы из него и был бы принужден передать его для изучения какому-либо из действительно ученых, а потому, во мнении Бэкона, и нравственных людей, не способных скрыть для себя одного полученное знание. Никакие биографы не сообщают нам, конечно, мотивов Бэкона поступать таким образом, то есть послать из тюрьмы своему папе лакомое блюдо в таком сосуде, из которого тот заведомо не мог его достать, но разве сам факт уже не говорит красноречиво за себя?

Посмотрите только, как он зашифровывает иносказаниями и длинными отступлениями тот придуманный им

материал, — очевидно киноварь — который по его теоретическим выводам следует прокалить в химической печи, чтоб он превратился в драгоценнейший из металлов.

“Два начала, — говорит он в главе III, — составляют все металлы, и ничто не может соединиться с металлом или трансформировать его, если само не будет составлено из этих начал. Таким образом, простой здравый смысл принуждает нас взять для изготовления нашего Философского Камня ртуть и серу (серу — авт.)”.

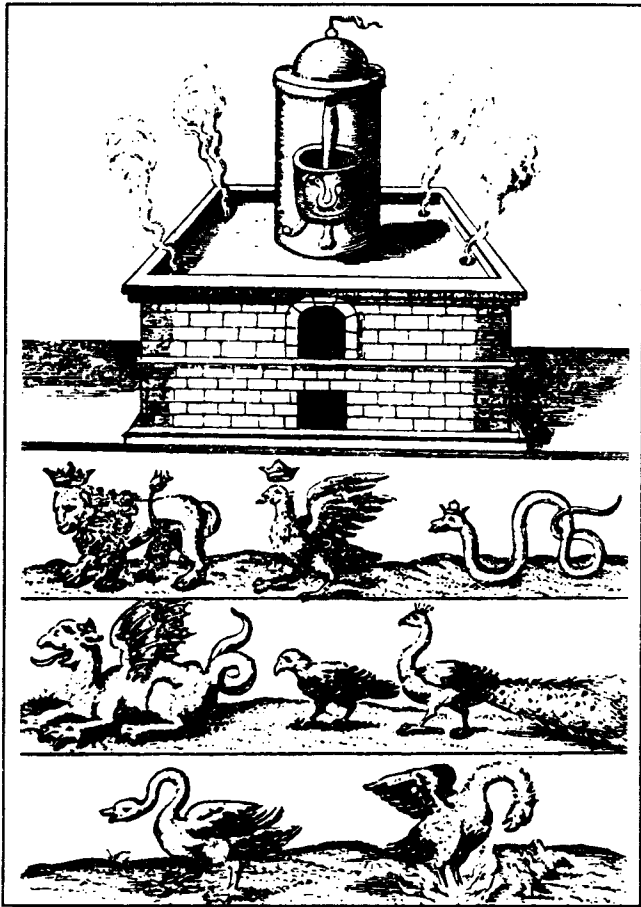
“Но ни ртуть, ни сера не могут в одиночку зародить металлы, а только путем соединения друг с другом они порождают и их и многочисленные минералы. Значит, очевидно, что наш Камень должен родиться и сам из соединения этих начал (т.е. быть сернистой ртутью — HgS — киноварью — авт.)”.

“Этот последний секрет чрезвычайно драгоценен и очень сокровен. Над каким минеральным веществом, ближайшим среди всех, нужно прямо оперировать?”

Задав этот вопрос, прямо указывающий, что дело идет об определенном (и притом *красном*) соединении ртути с серой, Бэкон нарочно отвечает на него не сразу, а замаскировав ответ окольными предположениями, чтоб никто, за исключением опытного химика, не мог разобраться в его изложении.

“Мы должны выбирать заботливо”, — говорит он. “Предположим сначала, что мы извлечем наше вещество из растений. Пришлось бы прежде всего извлекать из них ртуть и серу в отдельности, длинным нагреванием, а эту процедуру мы отвергаем потому, что природа дает нам ртуть и серу уже готовыми (т.е. красный Камень алхимиков — HgS — можно прямо составить из них, не прибегая к воображаемому извлечению из растений).

Если бы мы выбрали животных, нам пришлось бы работать над человеческой кровью, волосами, мочой, экскрементами, куриными яйцами, наконец, над всем, что

Из книги "Алхимический музей" ("Museum hermeticum"). Атанор алхимиков. — Внизу песчаная баня, на ней башня с куполом, а внутри яйцо алхимиков с символом вещества (драконом в ступе). В первой строке внизу лев и орел символизируют твердость и летучесть, а змея — женское вещество. В остальных строках: дракон — символ мужского видоизменения вещества; ворон, лебедь, павлин и феникс — символы черного, белого, радужного и красного цветов вещества.

можно извлечь из животных (потому что, ведь все составлено из сочетания ртути с серой). Но и тут нам пришлось бы извлекать ртуть и серу нагреванием, и мы отвергаем эту операцию по тем же причинам.

Если б мы выбрали сложные минералы, каковы: различные виды магнезии, колчеданы, цинковые руды, купоросы, квасцы, бура, соли и так далее (автор нарочно исключает красную сернистую ртуть, т.е. киноварь, которую считает за истинный материал своего Камня), то пришлось бы также сначала извлекать из них ртуть и серу в отдельности, нагреванием (чтобы потом соединять химически). И этот способ мы отвергаем по той же причине, как и первые.

Если б мы выбрали один из семи духов или спиртов (*spiriti*), каковы: простая ртуть, простой серу, полусернистая ртуть (Hg_2S), живая сера (? — авт.), орпимент (As_2S_3), аурипигменты*, реальгар (AsS), то мы не могли бы их усовершенствовать, потому что природа совершенствует только определенную смесь обоих принципов (т.е. паевую смесь HgS , киноварь — авт.). Мы не можем лучше приготовить ее, чем природа, а нам пришлось бы извлекать из предыдущих тел серу и ртуть в отдельности, что мы отвергаем, потому что и без того всегда можем иметь их такими...

Мы устраним также идею брать в отдельности оба принципа, т.е. ртуть и серу, потому что не знаем нужной пропорции, и кроме того, найдем тела, в которых оба начала соединены уже в такой точной пропорции, сгущены и связаны по надлежащим правилам”.

Здесь Бэкон сразу обрывает нить своих рассуждений, не произнося имени своего вещества. Но для всякого, знакомого с химией, уже и без того ясно, что никакого другого соединения ртути с серой, удовлетворяющего его требованиям, кроме

* Орпимент и аурипигмент рассматривают в современной минералогии как один и тот же минерал (As_2S_3).

киновари, нет и никогда не было в природе. Оставив, таким образом, свою мысль понятной только для химиков, которым он косвенно хотел ее сообщить, но недоступной для папы, которому посылал свой трактат, Бэкон начинает снова, уже другим путем, нить своих умозаключений, чтоб окончательно сбить с толку своих жадных до золота тюремщиков, но привести "истинного философа" к той же самой киновари. Вот как он делает это.

"Знай же секрет! Золото — вещество совершенное и мужское, без избытка и недостатка (в ртути или сульфуре — авт.). Серебро также вещество почти совершенное, но женское. Если б серебро путем простой приплавки делало совершенными несовершенные металлы (как думали прежние алхимики, подплавлявшие к серебру медь — авт.), то это был бы Белый Эликсир (превращающий все несовершенные металлы в серебро — авт.), а золото с этой точки зрения было бы золотым приплавом или Красным Эликсиром (превращающим в золото все, что с ним сплавлено — авт.).

Но этого нет и не может быть, потому что золото и серебро совершенны только до определенной степени (а потому и ассимилировать с собою при приплавке могут только небольшие количества других металлов). Если их совершенства и сообщаются несовершенным металлам, когда последних приплавлено к золоту и серебру немного, то при большом количестве несовершенных металлов последние не только не усовершенствовались бы, но сообщили бы свои недостатки и совершенным металлам путем соприкосновения с ними. Но если б золото и серебро были более совершенны: вдвое, вчетверо, во сто раз и т.д., то они могли бы тогда совершенствовать несовершенные во столько же раз более".

Вы видите здесь сохранившееся вплоть до средних веков недоразумение первого исследователя, который, приплавив немного меди к серебру, и серебра к золоту,

увеличил их слитки без видимого изменения их природы и заключил из этого, что “высшие” металлы при сплавлении с “низшими” сообщают им свои свойства.

Это был, конечно, один из самых древних “Философских Камней”. Но как же было бы возможно увеличить чистоту и совершенство золота и серебра во сто и более раз с точки зрения старинных алхимиков? Конечно, тем же способом, как это делалось и для всех других веществ, т.е. соответственным числом перегонки*. Так и говорит нам Бэкон в следующих строках:

“Однако, выбрав для усовершенствования золото и серебро, мы с трудом найдем огонь, способный действовать на них. Хотя бы мы и знали такой огонь, мы все-таки не могли бы достичь им совершенного очищения этих металлов (перегонкой — авт.) по причине могущества их внутренних связей и их естественной гармонии. Вот почему мы отвергаем золото, как материал для Красного Эликсира (превращающего металлы в золото — авт.) и отвергаем серебро для Белого Эликсира (превращающего их в серебро — авт.).

Мы найдем некоторое тело, составленное из ртути, серы (очевидная киноварь HgS — авт.), над которым природа мало работала**.

Значит, выбери вещество, содержащее чистую, светлую, белую, сделавшуюся красной, не вполне совершенную (т.е. естественную) ртуть, смешанную по определенному правилу равномерно и в должных пропорциях с серой, подобной ей***. Это вещество должно быть высушено в твердую массу, такую, чтоб с помощью нашего

* Вот как говорится о сущности перегонки в книге “Дорога Дорог” Арнольда из Виллановы: “Прогреваемые тела увлекаются духами, и потому говорят, что они возгоняются (“*Semita semitae*”).

** Киноварь легко получается искусственно возгонкой осадка сернистой ртути в замкнутом наглухо сосуде, как и указано у Бэкона. Она красного цвета.

*** Вы видите, что Бэкон открыл здесь еще в XII веке, закон павевых отношений в сернистых соединениях ртути, так как ранее упоминал, кроме нее, и полусернистую ртуть!

знания и сообразительности мы могли ее внутренне очищать и совершенствовать огнем (перегонкой — авт.) и сделать, наконец, такой, чтоб в конце работы она стала в тысячу раз более чистой и более совершенной, чем обыкновенные тела, сваренные (в рудных жилах — авт.) естественной теплотой.

“Будь же сообразителен! Ибо, если ты изошрился тонкостью и остроту твоего ума над предыдущим, где я тебе явно открыл требуемое вещество, ты обладаешь теперь этим предметом, услаждающим и невыразимым, представляющим предмет всех желаний философов”.

Затем, чтоб у читателя не оставалось и тени сомнения, что требуемое вещество прямо указано здесь, Бэкон снова повторяет (в начале следующей главы):

“Если голова твоя не слишком тверда, если твой ум не облечен совершенно завесой невежества и непонятливости, я уверен, что в вышесказанном ты уже нашел истинный материал философов, материал Благословенного Камня мудрецов, над которым Алхимия будет оперировать с целью усовершенствовать несовершенные тела с помощью тел более чем совершенных. Но так как природа дает нам тела только просто совершенными и несовершенными, то нам нужно сделать вышеуказанное вещество (т.е. киноварь — авт.) бесконечно совершенным (т.е. без конца ее перегонять — авт.)...”

Почему, снова спрашиваю я вас, Бэкон не назвал здесь прямо киновари, а подошел к ней такими круговыми подходами, переименовав целый ряд предметов, вроде человеческой крови, мочи, испражнений и т.д., из которых, по его же собственным словам, нет никакой нужды добывать его “два начала” для изготовления Философского Камня?

Вы видите теперь уже сами, что по обстоятельствам дела здесь возможен только тот ответ, который я и дал в его биографии. Изолированный навсегда монахами от всего

мира, пока не сообщит главе церкви секрета делать золото, он, по басне о лисице и журавле, посылает ему свой трактат в таком виде, чтоб несведующие в химии папа и его монахи начали копать в разных нечистотах, и только человек, искренно преданный науке и серьезно занимающийся химией, тотчас же понял бы, о чем он говорит.

И действительно, если б “открытие” Бэкона не была простая греза экзальтированного гениального узника, все это так и случилось бы. Но это была греза, и выйдя с его книгой после смерти папы на широкий свет, она только спутала всех последующих химиков и произвела в следующие два-три века такой сумбур диких изысканий, какого еще не видала история. Каждое слово трактата Бэкона свидетельствовало о глубокой искренности его автора, и потому в последующих поколениях ученых установилась полная уверенность, что превращение металлов уже решенная задача, и для того, чтоб повторить Великое Делание, нужно только внимательнее читать сочинения Бэкона и появившихся тогда псевдоарабских алхимиков и действовать по заключающимся в них указаниям. Появилась целая литература подражаний, где слог и изложение становились тем таинственнее, чем более сам автор запутывался в своих соображениях и догадках и выдавал их за факты. Последние главы книги Бэкона о приготовлении и очищении его киновари давали для этого особенно богатый материал.

Дело в следующем.

Каждый химик знает, что при действии сероводорода или сернистого аммония на какой-либо раствор ртутных солей, из жидкости в колбе выделяется сначала черный осадок, который при сухой перегонке дает вверху налет красной киновари. Все это и описано у Бэкона вместе с цитатами из различных предшествовавших ему химиков, исследовавших все многообразия превращения этого вещества вплоть до получения из него окислов, а вслед за ними и чистой белой ртути.

“Первая операция с нашим “Камнем”, — говорит далее Бэкон, — получила название его гниения, потому что тогда он делается черным... После гниения (т.е. осаждения из растворов в черном виде — авт.) он краснеет (при возгонке — авт.), и поэтому говорят: часто Камень краснеет, желтеет, обращается в жидкость и сгущается снова ранее, чем истинно побелеет. Он растворяется, претерпевает гниение, сгущается, умирает, оживает, чернеет, белеет, украшается белым и красным, и все это сам по себе”.

Усложнив описание этих простых реакций различными перепутанными ссылками на своих предшественников, Бэкон дал богатый материал для живой фантазии своих последователей, отказавшихся после бесплодных опытов от мысли, что дело здесь идет о киновари, и создавших, наконец, в своих головах целую фантастическую лестницу всевозможных превращений своего воображаемого камня, прежде чем он достигнет в колбе до полной зрелости... Применение же Камня, по его мнению, было очень просто.

“Теперь я вам открою великий и редкий секрет, говорит он в конце трактата. Нужно смешать одну часть этого эликсира с тысячью частями наиболее близкого металла (т.е. серебра, если желают получить золото — авт.) и, заключивши все в соответственно приспособленный сосуд, замкнуть герметически и поставить в химическую печь для сгущения. Сначала нагревай медленно и увеличивай последовательно огонь (подражая тому, как бывает в рудных жилах — авт.) в продолжение трех дней. Превращение — дело трех дней (вероятно по аналогии с воскресением Христа из мертвых — авт.). Тогда ты можешь начать снова, бросив часть этого продукта (т.е. искусственного золота — авт.), на тысячу частей ближайшего металла, и будет превращение. Для этого тебе достаточно одного дня; потом (при следующем превращении — авт.) одного часа, потом одного момента!

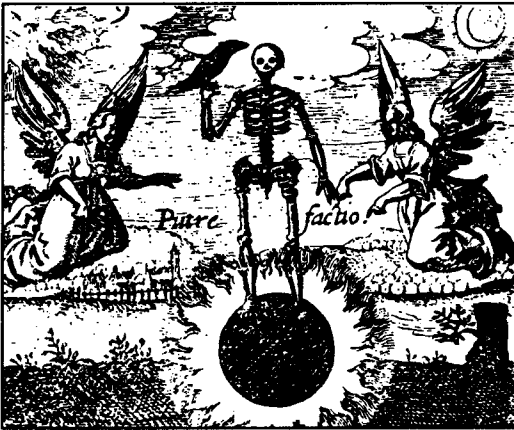
Возблагодарим же нашего Бога, всегда удивительного во веки веков!"*

* * *

Я нарочно так подробно изложил вам знаменитый в последующие века трактат Бэкона. Хотя он и цитирует в нем легендарного Гермеса Трижды Величайшего и какого-то анонимного "философа", но все показывает, что теоретическое освещение предмета принадлежит именно ему. Несмотря на ложность всех деталей бэконовской теории об эволюции металлов из ртути и серы, мы видим на всей книге печать гения и оригинальность, отмечающую и все остальные его произведения, и нельзя не пожалеть глубоко, что, благодаря средневековым темницам, он стал только отцом последующей Алхимии, источником бесплодных блужданий нескольких поколений бескорыстных тружеников науки в поисках его Красного Камня.

Отличить первоисточник от подражаний всегда очень легко. То, что в первом коротко, ясно, просто и наглядно, в последних всегда делается расплывчато, запутанно, непонятно, особенно в тех случаях, когда подражателями являются люди, не вполне ясно понимающие свой первоисточник. Книги же Бэкона, конечно, никто не понимал, так как имени своего вещества — киновари — он не назвал, а потому и всякий химик, угадывавший ее и вслед затем производивший над нею безуспешные опыты, не мог удостовериться в ошибке Бэкона, а искал у него дальнейших намеков и указаний. Чтобы не ходить далеко за примерами, я приведу вам только один из книги Ля Мартиньера "*Неведомое химическое средство или подлог Камня философов*".

* Все, что рождается, все, что растет, размножается сообразно своему виду. Таковы деревья, люди, травы. Одно зерно может произвести тысячи других зерен. Значит можно размножать предметы до бесконечности (Arnoldi de Villanova. *Semita Semitae*).

Из книги "*Viatorium Spagyricum*". Эмблема химического разложения (*putrefactio*). В результате действия огня (внизу) является скелет вещества (зола) и птица (летучий газ).

Из книги "*Viatorium Spagyricum*". Эмблема перегонки вещества. Газы летят в виде воронов, а в остатке лежат в виде скелетов почерневшие, обуглившиеся продукты.

“Я собрал жидкости, вытекающей из носа во время насморка, плевков и двух других ежедневных выделений человека, каждого по фунту. Я смешал все вместе и положил в реторту, чтобы извлечь из них квинтэссенцию. По ее полном извлечении, я сделал из нее твердое вещество, которое применил к превращению металлов! Но напрасно! Я не достиг ничего”.

Здесь вы сразу видите, в чем дело. Автор перечитал много раз бэконовское “*Зеркало Алхимии*”, но не понял, что в главе III своей книги Бэкон просто говорит, что ртуть и серу для изготовления Философского Камня можно получать отовсюду, так как он и начало всех, в том числе поименованных автором, веществ. Сделав множество опытов, без успеха, автор этого признания, наконец, набросился на экскременты и варил металлы в полученной из них квинтэссенции по правилам Бэкона, но, конечно, не обнаружил превращения их в золото... По этому образчику вы можете судить и о том, какими опытами должны были заниматься те невежественные монахи, которые получили, наконец, из темницы книгу Бэкона!

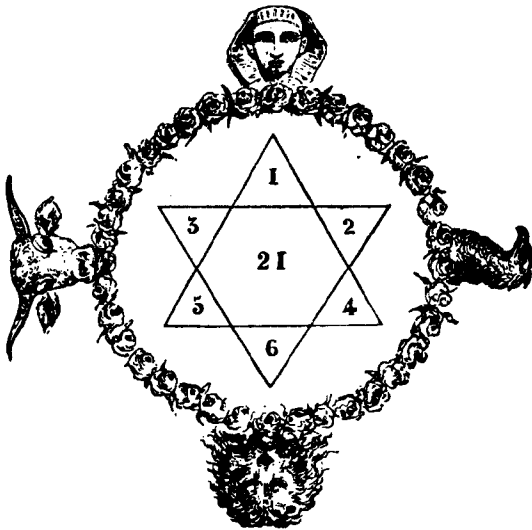
Если бы Бэкон хотел умышленно подшутить над ними, он не мог бы сделать ничего лучше! Но, к сожалению, проскользнув из рук монахов в публику, его книга наделала и здесь немало вреда.

Специфический, таинственный метод изложения химии, обусловленный у него необходимостью, обратил на себя, прежде всего, внимание его последователей и, как все внешнее, вызвал у них желание подражать. Каждый в этом отношении старался перещегоолять другого, тем более, что эта форма соответствовала вполне настроению того времени, когда отсутствие реальных знаний побуждало обращать особое внимание на их внешнюю оболочку.

Вместо того, чтобы называть химические предметы по именам, стали придумывать для них особые символы или иностранные выражения. Золото стали называть солнцем,

серебро — луной, железо — Марсом, квасцы стали изображать кружком, нашатырь — звездочкою, и такого рода обозначения совершенно заполнили все манускрипты. Ничтожную часть этих символов вы видите на составленной

Магический венок с четырьмя апокалиптическими зверями и произведением первых шести чисел.

мною таблице (в конце книги — авт.), где я расположил их так, чтобы по виду каждого значка, вы, в случае нужды, могли быстро найти его значение, так как некоторые из старинных алхимических сочинений буквально переполнены ими, а одно из них "*Немая Книга*" ("*Liber Mutus*") не содержит даже ни одной строки текста, а вся составлена из таких фигурок. Сама одежда и обстановка химика начала книгопечатной эры приняла такой же таинственный вид. Кому из нас не случалось видеть на картинках его лабораторию с огромным черным горном и мехами, со странными колбами, ретортами и змеевиками, с человеческим скелетом в темном углу, совою над потолком и

со всевозможными таинственными знаками, начертанными на всем окружающем? Кто из нас не рассматривал со вниманием и величественную фигуру самого стоящего здесь алхимика в торжественной мантии, с длинной седой бородой и рукой, положенной на толстый фолиант? И каждому из

Из книги "Азот философов" Василия Валентина. Две руки с боков показывают на чашу с символами "семи металлов" вокруг.

нас невольно казалось, что в этой глубокомысленной голове должны были роиться постоянно мысли необычайного значения, а в книге заключалась непостижимая мудрость! А между тем, если бы нам удалось заглянуть в них поглубже, то мы увидели бы, что истинного знания и в той и в другой было много меньше, чем теперь в голове у реалиста пятого класса! Вот настоящая причина, по которой учителям древности приходилось прибегать для внушения к себе уважения к торжественной одежде и обстановке, и причина того, почему истинные ученые настоящего времени отличаются своей крайней простотой.

* * *

Для того, чтобы показать вам, какими оригинальными способами зашифровывали некоторые алхимики имя предполагаемого ими вещества для приготовления своего Философского Камня, я покажу вам только два рисунка, воспроизведенные мною, как и несколько других, по снимкам Альберта Пуассона в его книге *“Теории и Символы Алхимиков”*.

Вы видите здесь прежде всего анаграмму из книги Василия Валентина *“Азот Философов”* (который никак нельзя смешивать с современным азотом, а скорее с мертвой водой русских сказок — авт.). В середине ее, вверху, вы видите алхимические значки металлов, затем орла как символ летучести, и льва как символ всепожирающего огня. Кругом же идет латинская надпись: *“Посети Внутренность Земли: Очищая, Найдешь Сокровенный Камень”* (*Visitabis Interiora Terrae Rectificando Invenies Occultum Lapidem*). Хотите знать имя этого таинственного Камня алхимиков? Прочтите заглавные буквы каждого слова и вы найдете *VITRIOL*, т.е. обыкновенный железный купорос! Ту же самую загадку вы видите и на другом рисунке этой книги, где титан поддерживает треугольник, на трех концах которого написаны “три стороны” человеческой природы: душа, дух и тело (*anima, spiritus, corpus*), а внутри символы семи металлов и планет. Вот простой материал, который наивный исследователь счел необходимым так хитро зашифровать от непосвященных! Не мудрено ли, что возникла знаменитая в древности легенда о том, что, когда адепт, после долгих посвящений и подготовлений, допускался наконец в святилище, то находил его пустым?

Вот и другая анаграмма в том же роде из книги Отца Афанасия Кирхера *“Подземный мир”* (*“Mundus Subterraneus”*), где в центре помещен алхимический знак серы — треугольник с крестом внизу, — а в нем заключено

солнце. Прочтите также заглавные буквы окружающей надписи и вы увидите в первом круге — **SULPHUR**, во втором — **FIXUM**, а в третьем, читая сначала снизу налево, а затем снизу направо, найдете два слова **EST**

Из книги Василия Валентина: “Двенадцать ключей мудрости”. “Титан, наклонившись, просунул голову в круг с символами семи металлов”. По окружности анаграмма **VITRIOL** (купорос) как воображаемый Философский Камень.

SOL, т.е. “отвердевшая сера есть золото” (так как слово “sol” в Алхимии обозначало не солнце, как в обычном языке, а золото). Вот в чем была новая тайна алхимиков, до которой не следовало допускать непосвященных!

Такова была символика.

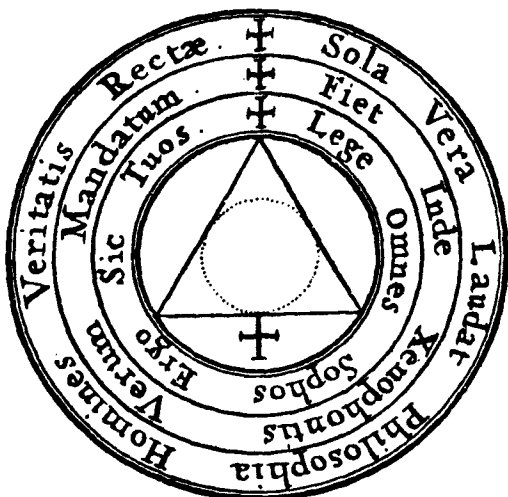
А чтобы показать вам, каким языком заговорили пост-бэконовские алхимики, я приведу вам только один пример. Вот в моих руках находится книга, принадлежащая ученому XV века И.И.Голланду, в русском переводе XVIII века, под названием: “Собрание различных достоверных

химических книг, а именно Иоанна Исаака Голланда, рука философов, о Сатурне, о растениях, минералах, каббала и о Камне Философическом”.

В самом ее начале, на стр.6, вы читаете следующее место:

“Раскали короля на огне, смотри, чтобы не растопился, и делай сие семь раз... и положи в муравлений, из кипрской

Из книги “Подземный мир” (“Mundus Subterraneus”) отца Кирхера.
Анаграмма: “Sulphur fixum est sol”.

земли сделанный сосуд, то и получишь невероятное сокровище, коим можешь произвести удивительные дела... С ними можешь ты все семь металлов привести в их первое бытие, т. е. в ртуть... Также он делает всякие красные металлы белыми, мягкие — твердыми, а твердые — мягкими: я пишу более, нежели мне приказано!”

Не кажется ли вам, что вы имеете здесь дело с какими-то заговорщиками, тайно поджаривающими коронованных особ, тем более, что и рисунок, приложенный к этому месту, изображает в химической колбе уже раздетого монарха с короной в одной руке и мечом в другой.

Из книги Иоанна Исаака Голанда "Собрание разных достоверных химических книг". Рус. пер. 1787 г. Монарх с короной и мечом, поджариваемый в реторте (символизирует нагреваемую селитру).

Тут же вы читаете и дальнейшие наставления при операции: “Возьми два фунта длинного пальца...истолки и смешай с порошком, вынутым из-под треножника, и сублимируй (возгоняй) вместе, столь часто, чтобы длинный палец сделался постоянным”. А затем на следующем рисунке приведены и печальные результаты, если во время варки этого “яйца философов”, колпак, которым должно герметически прикрыть короля и замазать глиной, нечаянно отскочит. Тогда монарх немедленно превратится в индюка и двух свиней, которые выскочат из колбы и нападут на варящего...

Вы думаете, что все это говорится в шутку? Нет! Предисловие к немецкому переводу книги помечено февралем 1667 года, а на русском языке книга эта издана при Императорской Академии Наук в 1787 г., откуда я и беру все цитаты и рисунки, и сам автор дает к этим рисункам такое пояснение (с. 51).

“Сие называется горшком философов, о котором они с такой тайностью упоминают в своих книгах и параболах, так что никто иной не может того разуместь, как тот, кто знает философскую руку. Того ради советую я всем, желающим жарить или варить яйцо философов, чтобы они берегли его, дабы скорлупа не треснула, или бы, будучи в огне, от жару не лопнула; ибо в противном случае весь яд, находящийся теперь в яйце, выбежит и силою своею умертвит всех, кои к нему подойдут. И тогда оным нельзя будет помочь никакими лекарствами, потому что сие есть наизлейший и наиопаснейший яд, какой только в свете быть может... Это плод семян, брошенных в землю, плод философов, верный Камень Алхимии, земной царь и земной Бог, в коего руках состоит все духовное и светское право, и в его власти весь свет. Через то дает знать людям, что и они равным образом получают все вещи в свете (путем описанной варки). Хотящий варить или жарить сие яйцо, да исследует со вниманием и прилежностью руку филосо-

Из книги Иоанна Исаака Голанда "Собрание разных достоверных химических книг". Рус. пер. 1787 г. Печальные результаты, если крышка реторты отскочит: вместо монарха выскакивают из реторты индюк и две свиньи.

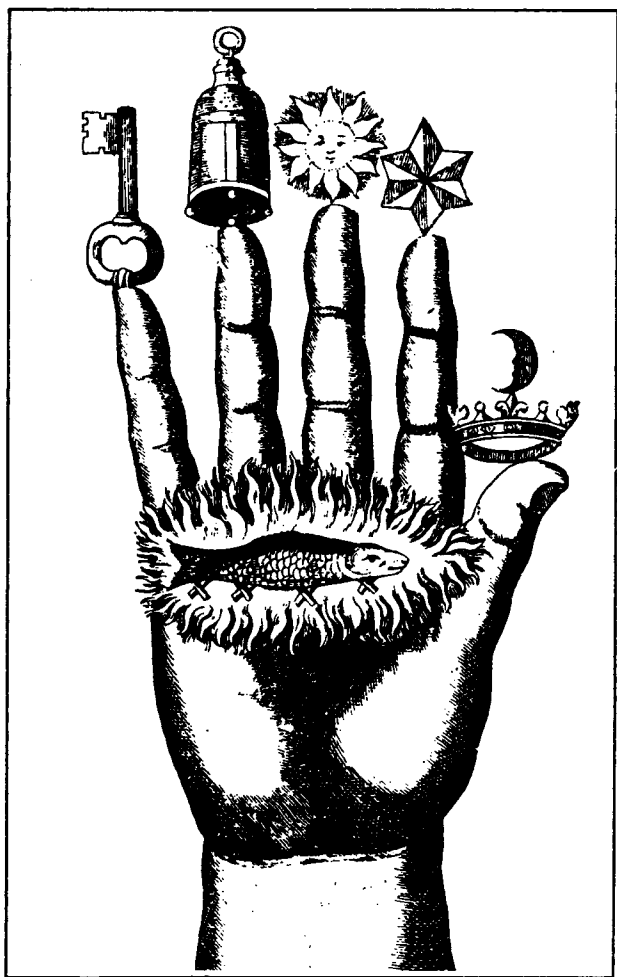
фов, и да старается понимать смысл оной, а потом пусть приступает к делу”.

Но какая же это “рука философов”, к которой вам нужно обратиться перед такой необыкновенной операцией? Она приложена в самом начале книги Голланда и, прочтя ее, вы сразу разочаровываетесь... Все это, оказывается, только символы самых простых химических реакций! Вот эта рука перед вами (см. рис.). Вы видите на ее ладони рыбу, символ ртути, и огонь, символ серы, как поясняет сам автор. Из соединения их, как пальцы из ладони, возникли пять солей, знаки которых и поставлены над каждым пальцем. Большой палец, прикрытый знаком серебра — луной, носит корону; это и есть Король Голланда и обозначает, по его объяснению, селитру. Указательный палец с шестиугольной звездой обозначает железный купорос; средний со знаками золота — солнцем — нашатырь; четвертый, прикрытый фонарем, — квасцы, а пятый, с ключом, — обычную кухонную соль.

Теперь вы легко догадаетесь, что, говоря о короле, которого нужно прокалить, автор просто подразумевал селитру, а кладя в реторту фунт “большого пальца”, думал лишь о фунте символизируемого им нашатыря...

Такого рода символами загромождены буквально все сочинения алхимиков послебэконовского периода, когда, собственно говоря, только и расцветала Алхимия в полном своем блеске. Читая их книги, вам кажется, что они поджаривали в своих ретортах не только земных царей, но и сами небесные светила — Солнце, Луну и все планеты. На самом деле все это была только пышная одежда, прикрывавшая ничтожность содержания тогдашней науки и ложный путь, по которому она пошла.

Представьте же себе положение неопита, который сначала должен был бессмысленно заучивать все эти ненужные символы, разгадывать все ни на что не годные ребусы для того, чтобы, наконец, добраться до крупинки

Из книги И. И. Голланда: Рука философов. Большой палец с короной и луной — символ селитры; указательный с шестиугольной звездой — символ железного купороса; длинный палец с солнцем — символ нашатыря; безымянный с фонарем — символ квасцов; мизинец с ключом — кухонная соль. Рыба в огне — ртуть в сере — мужское начало в женском, первоисточник всех видов вещества.

покрытого их корою реального знания! Мудрено ли, что, добравшись до зерна такого алхимического ореха, многие разочаровывались, а другие, потратив половину жизни на изучение этой лжемудрости, обращались, наконец, в шарлатанов или фанатизировались своей идеей до того, что уже ничто не могло их разубедить до самой смерти в том, что ртуть есть действительная мать всех металлов, а сера — их отец, и что древние ученые, действительно, знали средство готовить из них Красный Камень Алхимии?

* * *

Но возвратимся к фактической истории химии прошлого.

Я говорил уже не раз, что со времени замечательных исследований Бертело, всю историю древней и средневековой химии теперь приходится переделывать заново, как совершенно искаженную множеством апокрифических документов и лжепереводов, написанных неизвестными авторами эпохи Возрождения и первых веков книгопечатной эры. Первыми книгами, подлинность которых не возбуждает сомнения, являются именно книги Бэкона, а затем Винсента Бовэ и Арнольда из Виллановы, родившегося как раз в год заключения Бэкона в темницу. Все это невольно заставляет думать, что философски обоснованная Алхимия, как идея общего превращения металлов, их генезиса из двух начал, и идея таинственного Красного Камня, как универсального средства для их превращения, была его детищем и возникла еще во время его Оксфордских занятий, после которых пошла по совершенно ложному направлению, благодаря его заключению в темницу. Это же самое заключение придало его трактатам и тот таинственный слог, который доведен был впоследствии подражателями до вершин нелепости.

Но как бы то ни было, Бэкон является самой крупной фигурой, поднимающейся перед нами на мрачном фоне средних веков.

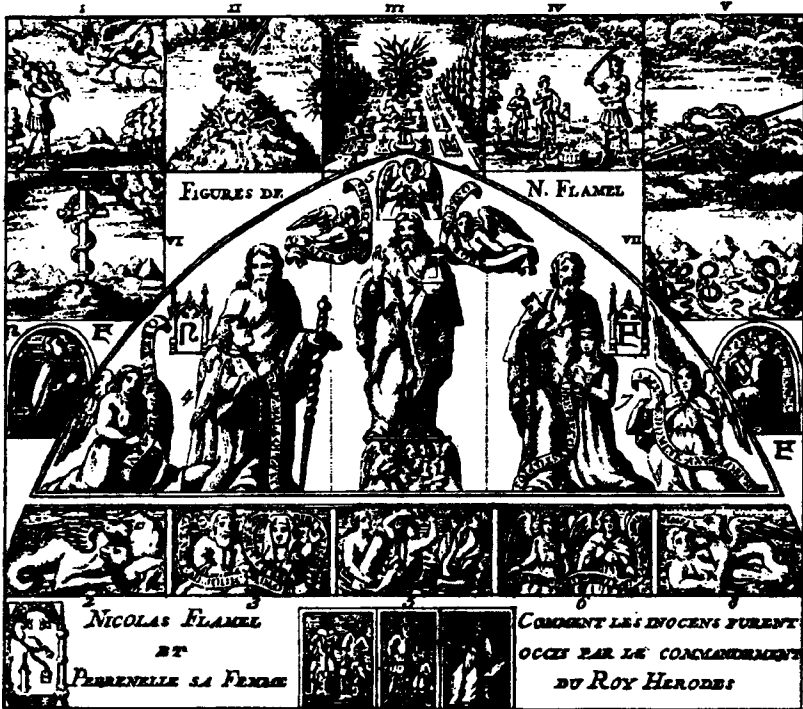
Из книги Нортон *“Crede Mihi”* (*“Верь мне”*). Алхимик на берегу моря размышляет о причинах перегонки летучего вещества из нижнего шара в верхний.

Все последующие ученые старались только далее разработать в подробностях его теорию, изучать каждую букву его книг или делать практические применения из заключающихся в них указаний. Книги Бэкона стали для дальнейших поколений химиков тем же, чем Апокалипсис Иоанна для средневековых теологов. Оба этих родственных и гениальных ума стремились к свету истинного знания, и оба, благодаря религиозному абсолютизму, сделались отцами многовековых заблуждений. Время Бэкона и последовавшие за ним четыре века были яркой вспышкой алхимического направления, которое захватило собою всех интересовавшихся тогда законами строения вещества.

Почти одновременно с Бэконом выступил на сцену Альберт Больштадт (1193—1280), получивший от последующих писателей название Альберта Великого. Хотя он и был почти на двадцать лет старше Бэкона,

но в своей молодости он совершенно не интересовался никакими науками и только в зрелом возрасте, по причине какой-то личной катастрофы, занялся Алхимией, тогда как Бэкон предавался изучению наук еще с самых

Символические фигуры из книги Николая Фламеля.

юных лет. Вот почему Альберта Больштадта и следует считать скорее последователем Бэкона, чем независимым современником*.

* Альберт Больштадт, родившийся в Лавингене на Дунае, приехал во Францию и получил в Парижском университете, после обычного трехлетнего пребывания, звание магистра только около 1248 г., тогда как Бэкон получил в том же университете свое звание "magister en arts et docteur en theologie" еще до 1240 года, и ко времени приезда Альберта был уже известным и авторитетным молодым ученым.

Все дошедшие до нас его сочинения приходится считать, после исследований Бертелло, или подложными, или сомнительными, но тем не менее они представляют компиляции довольно ранней эпохи, а потому и имеют большое значение для выяснения дальнейшего развития бэконовских идей.

Раймонд Луллий по старинной гравюре де Вриёса.

Работы двух других последователей Бэкона, Раймонда Луллия (1235—1313), специально выманенного из Вены в Англию королем Эдуардом II и посаженного в тюрьму, пока не скажет секрета, и Фомы Аквинского (1227—1298), оказались значительно позднейшими произведениями неизвестных авторов, а потому об истинных идеях поименованных лиц мы ничего не знаем достоверного.

Затем появились новые поколения химиков, и первоначальные положения Бэкона стали все более и более

темнеть, как и всегда бывает, когда хотят развивать и доводить до конца неправильную идею*.

К этому прибавилось еще открытие Василием Валентином в конце XV века сурьмы**, разбившей господствовавшее мнение, что металлов только семь, а затем и то, что кроме лжепереводов с греческого, арабского и еврейского языков было сделано в эпоху Возрождения несколько и действительных переводов с рукописей, каким-то чудом спасшихся от рук средневековых монахов. Неполное знание иностранных языков приводило в этом случае к тому, что технические термины, а иногда и сами фразы переводились неправильно или совершенно не-

* Особенно много появилось алхимиков-теоретиков к концу XIV и в продолжение всего XV и XVI веков. Вот имена некоторых из них на случай исторических справок.

XIII век. Уже известные нам: Роджер Бэкон (1214-1294), Альберт Большатд (Альберт Великий 1193?-1280), Фома Аквинский (1227-1298), Раймонд Луллий (1235-1313), Арнольд из Виллановы (1245-1313); затем: Ален Делиль, Винсент Бовэ и др.

XIV и XV век. Во Франции: Жан де Мен, Бернард Тревизанский, Николай Фламель. В Англии: Джорж Рипли, Нортон, Бертоломе. В Германии: фон Сульцбах, Ульстед, Тритгейм, Василий Валентин, открывший сурьму, Исаак Голланд.

XVI век. В этом веке быстро окрепшего книгопечатанья (изобретенного Гуттенбергом в середине предыдущего XV века) было напечатано усердными издателями много анонимных рукописей прежних лет под именами греческих и арабских писателей: Гебера, Авиценны, Зосима, или западно-европейских: Альберта Великого, Раймонда Луллия и т.д. Почти все они принадлежат авторам этого же самого века или двух предыдущих. Это скрытые алхимики эпохи Возрождения. Из явных же алхимиков-теоретиков XVI века знаменит Парацельс (1493-1541), исследователями которого были Турнейсер, Кролл, Дорн, Рох Бельи, Бернард Рено, Керцелянус, Либавий. Затем известны: Дионисий Захарий, Блез де Вигенер, Клаве (Дюлко), Эдуард Келли, Михаил Сендивогий (Космополит), Жан Батист Порта.

XVII век. Евгений Филалет, Мишель Мейер, Хартве, д'Отремо, Салмон, Хелиас, Бархузен, Планискампи, Сент-Ромен и т.д.

** Сочинения Василия Валентина "Азот Философов" (который никак нельзя путать с нашим азотом); "Триумфальная колесница сурьмы" (открытой автором и потому возвеличенной им), "Диспут духа ртути с братом Альбертом", "Двенадцать ключей премудрости", "О естественных и сверхъестественных предметах".

понятно, чем еще более увеличивался сумбур представлений в головах усердных читателей. В конце концов, к началу XVII века, произошла такая путаница всевозможных наслоений и не сходящихся друг с другом положений, что не стало уже никакой возможности разобраться в деталях.

Однако убеждение в существовании Красного Камня или других его видоизменений установилось за все это время до того прочно, что через два-три века после смерти Бэкона всей интеллигентной Европой овладела настоящая мания превращать металлы в золото по невразумительным указаниям алхимических книг. Появились сотни нелепых рецептов, из которых, для курьеза, привожу два. Вот как пишет по этому поводу неизвестный латинский автор XVII века, которого издатель (в 1667 г.) считает за Сендивогия, алхимика предшествующего века*:

“При нынешних обстоятельствах сего света все почти люди, как низкого, так и высокого состояния, дабы после со всевозможной пышностью и роскошью остальную часть своей жизни в праздности провести могли, желают учиться науке химии для того только, что она перед всеми прочими науками и художествами столь великая и чрезвычайные богатства нам представляет... Из чего происходит, во-первых, то, что знатные господа и вельможи... не довольствуясь своим от Бога им ниспосланным богатством, употребляют ее, побуждаемы алчным желанием, к снисканию большего, не гнушаются разгребать сами уголья и со всевозможным рачением нагревают печи, да и успевают в том в столь краткое время, что иной знатный и богатый господин более на кузнеца походит, умалчивая об искусстве! Ибо из своих деревень, сел и вещей, столь искусно умеют добывать “квинтэссенцию”, что все это, наконец, пре-

* *“Собрание разных достоверных химических книг, а именно: Иоанна Исаака Голланда и пр.”* Спб. 1787. При Императорской Академии Наук, стр. 296.

ЭЛИКСИР АЛХИМИКА РИПЛИ (Аллегорическое описание превращений свинца)

“Чтобы сделать эликсир мудрецов, называемый Философским Камнем, возьми, мой сын, философической ртути (свинца) и накаливай, пока она не превратится в зеленого льва. После этого накаливай сильнее, и она превратится в красного льва^{**}. Кипяти этого красного льва на песчаной бане в кислом виноградном спирте, выпари продукт, и ртуть обратится в камедистое вещество, которое можно резать ножом^{***}. Положи его в замазанную глиной реторту и медленно дистиллируй.

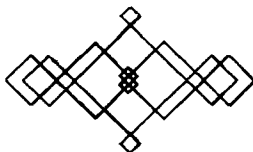
Собери отдельно жидкости различного состава, которые появятся при этом. Ты получишь недействительную жидкость, спирт (ацетон) и красные капли. Кимврийские тени покроют реторту своим темным покрывалом, и ты найдешь внутри ее истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост^{****}. Возьми этого черного дракона, разотри на камне и прикоснись к нему раскаленным углем. Он загорится и, приняв тотчас великолепный лимонный цвет, воспроизведет снова зеленого льва. Сделай, чтобы он пожрал свой хвост, и дистиллируй снова продукт. Наконец, мой сын, очисти заботливо и ты увидишь появление жгучей воды и человеческой крови”.

* Зеленовато-желтая окись.

** Красный сурик $PbO \cdot PbO_2$.

*** Укусно-свинцовую соль.

**** Пепельный порошок, вспыхивающий от пламени и снова превращающийся в массикот.

вращают в пустой кошелек, отчего впадают в меланхолию и совсем пропадают. Другие, низшего состояния люди, как например, купцы и прочие мастеровые, смотря на них,

Из сочинения Бархузена “Удивительная книга” (*“Liber Singularis”*). Бог под знаком огня (треугольником) показывает алхимику, как нужно делать Философский Камень.

подражают их стопам, и каждый, оставляя свое ремесло, насильно химиком сделаться хочет; хотя, ничего более не узнают, как то, что уже в самом деле сбудется, то есть, потеряют все свое имение и, наконец, вместо деланья золота и серебра остается наивернейшее искусство просить милостыню...

И поскольку наука эта (химия — авт.) всем прочим предпочтительна, то из этого всякий рассудить может, что без милости и воли Божьей, никто того достигнуть не может, сколько бы смертный в том ни старался, читая философские книги и упражняясь в работе. Поэтому каждый желающий достигнуть конца своих желаний..., помыслив со зрелым рассудком о своем предприятии, какое имеет

оно начало и к какому клонится концу (цели — авт.), должен с рачением и прилежанием приняться за великую и истинную философскую книгу, природою называемую, и прочесть ее не однажды, но много раз”.

Но такие, употреблявшиеся еще со времени Бэкона предупреждения о том, что для успеха с Философским Камнем нужно быть прежде всего высоконравственным и бескорыстным человеком, не способным употреблять во зло приобретенное могущество, конечно, не могли никого отклонить от занятий Алхимией. Каждый считал себя именно таким высоконравственным человеком, и мания продолжалась все время, пока оставалось доверие к старинным авторитетам.

* * *

Как всегда бывает в подобных случаях, появились легенды о производившихся многими алхимиками чудесах, не уступающих описанным в четырех евангелиях. Передавали, что целый ряд алхимиков-практиков уже не раз имели Красный Камень в своих руках и накапливали себе несметные богатства.

Легкомысленные люди тоже, временами, напускали на себя вид, что знают средство алхимиков, и тогда им приходилось плохо, уже не только, как Бэкону от монахов, но и от монархов, желавших получить их секрет для собственного употребления. Так, два путешествующих алхимика Келли и Ди были схвачены на своем пути императором Максимилианом, во второй половине XVI века, и брошены в тюрьму до тех пор, пока не откроют секрет. Но та же репутация алхимиков и спасла их. Тюремщики, которым они, по-видимому, обещали наделать груды золота, если те выпустят их на свободу, предпочли деньги своему императору и дали им возможность убежать. Несравненно хуже было с шотландским алхимиком XVII века Александром Сетоном, писавшим под псевдонимом Космополита.

Распространившаяся молва, что он владеет Красным Камнем, заставила его испытать ту же участь, что и Келли. Герцог Саксонский, потребовавший от него секрет, но, конечно, не получивший удовлетворительного ответа, немедленно посадил его в свою темницу и приказал подвергнуть пытке. Там его пытали с 1602 по 1604 год, когда он умер, полусгнивший в тюрьме и с вытянутыми наружу жилами.

Таких примеров история Алхимии насчитывает немало, и потому все хваставшиеся, что обладают Философским Камнем, начали делать вид, что приготовили его не сами, а получили от какого-либо алхимика, исчезнувшего неизвестно куда.

Особенно документальный вид начинают принимать такие сообщения в XVII и XVIII веках, накануне падения Алхимии. Чудеса, которых не может повторить каждый, достаточно подготовленный в данной науке человек, являются неизбежным концом всякого заблуждения.

Для примера, в дополнение к прежним, я приведу лишь два рецепта, из которых один дает средство готовить золото из ртути, а другой — ртуть из серебра, и этим показывает, что алхимики искали также и бескорыстных превращений.

Вот несколько документально зарегистрированных на протяжении XVIII века превращений.

В 1618 году Ван-Гельмонт превращает в золото 8 унций ртути (в Виллаверде , около Брюсселя) посредством неизвестного порошка, который дал ему неизвестный алхимик, желавший убедить этого ученого. По-видимому, ртуть была незаметно амальгамирована золотом, да и порошок, может быть, был одной из солей золота.

В 1621 году неизвестный алхимик успешно производит "превращение" в Гельмштадте перед противником Алхимии профессором Мартини, но, по-видимому, не убеждает его.

В 1648 году граф фон Рутц в Праге в присутствии императора Фердинанда III prepares искусственное

РЕЦЕПТ,

найденный в сундуке, замазанном в стене. Был продан за великие деньги, изведен самым делом на опыте и от искусных в Алхимии одобрен, что и по делу оказывается. Того ради остерегайтесь открывать толикой важности секрет жадным и надменным людям, также и тем, кои не суть дети философии. Итак начнем:

Возьми, во имя Господа Иисуса Христа, столько золота, сколько тебе угодно, сделай амальгаму из 1 части ртути, куда положи и золото и дай ртути выкуриться на малом жару, потом ревербируй его (грей в отражательной печи) 20 суток, изотри мелко; после налей хорошего дистиллированного и ректифицированного уксуса на 4 пальца сверх материи, замажь горлышко и поставь в теплую золу на 2 суток, по прошествии коих уксус получит от золота красный цвет. Потом ревербируй опять по-прежнему 9 суток, уменьшая число дней ревербирования и сливая завсегда крашенный уксус вместе, и это продолжай делать до тех пор, пока все твое золото распустится и остается на дне один серый порошок, который ни к чему не годится.

Сольвированное дистиллируй, то и найдешь твою соль на дне. Ревербируй после (грей снова на отражательной печи) 12 часов так, как в этом рецепте написано.

Потом сольвируй золото в ректифицированной живой воде (спирт), дай устояться, и оставшееся на дне от сольвирования ревербируй (грей в отражательной печи) трое суток, поступая так, как писано об уксусе. Когда все золото в живой воде распустилось, то на дне найдешь прекрасную соль, которая тотчас растворяется, подобно соли нашатырю. Возьми сей соли одну часть и четыре ртути, обложи их горячими углями, то по прошествии получаса найдешь твою ртуть, кальцировавшуюся (прокалившуюся) в порошок. (Это мне не удавалось и неудача эта, по мнению моему, происходит от плохого качества соли, которая (как и следовало ожидать) в 12 часов ревербирования улетала — Голландово примечание).

Теперь возьми сей порошок ртути (ртути) и ревербируй трое суток, потом изотри и сольвируй в уксусе, ревербируй вторично, сольвируй в живой воде и бери опять на одну его часть четыре чистой ртути, поступая все по-прежнему.

Наконец, растопивши одну часть сего порошка, брось на четыре части ртути, то превратится в хорошее золото и серебро. Итак, по сему и поступайте. Аминь.

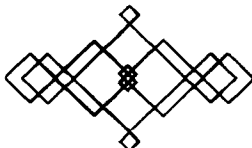
РЕЦЕПТ

добывания ртути из всех металлов.

Ежели хочешь добывать меркурий (ртуть) из луны (серебра), то сделай наперед крепкую воду (азотную кислоту) из купороса и серы (селитры?), взявши их поровну. Сольвируй (растворяй) луну обыкновенным образом, дай осесть в простой воде, вымой известь (окись) в чистой воде, высуши, положи в сосуд плоскодонный, поставь в печь кальцироваться (прокаливаться) в умеренную теплоту, какая нужна для свинца, чтобы расплавился и по прошествии 6 недель луна (серебро) откроется и ртурия можно будет отделить от земли (от остаточного окисла серебра).

Подобным сему образом можешь поступать с солнцем (золотом), с тем только различием, что солнце должно стоять (в химической печи) около 18 недель или еще дольше, прежде чем ртуть его возможно будет отделить от земли (осадка) и масла (раствора?), пребывающих завсегда вместе. Ибо солнце (золото) есть плотное тело, чего ради требуется, чтобы оно стояло от 30 до 40 недель, хотя бы после и походило на гриб. Наконец оно так отворится (вспучится?), что если (1 унцию) солнечной извести (окисла золота) положить в обыкновенный стеклянный сосуд, то он весь наполнится и тогда можно ртуть, полученную из золота, весьма легко сублимировать (взогнать).

Также из всех металлов добывать можешь ртуть посредством сублимации.

золото посредством порошка (хлористого золота? — авт.), полученного им от другого алхимика, Рихтгаузена, будто бы получившего его (чтобы не попасть в тюрьму, пока не скажет секрета) от некоего Лабушардьера. Из этого золота была выбита Фердинандом медаль с латинской надписью: "Divina Metamorphosis exhibita Pragae 15 Jan. 1648 in praesentia Sac. Caes. Mejest. Ferdinandi Tertii". (Божественное превращение, произведенное в Праге 15 января 1648 года в присутствии Его Императорского Величества Фердинанда Третьего). Эта медаль была в конце XVIII века еще в Венском казначействе.

1650 год. Тот же Рихтгаузен, который дал порошок графу фон Рутцу, дал его теперь самому Фердинанду III, тоже осторожно выдав за полученный от неизвестного алхимика, и император торжественно изготовил из него вторую порцию золота и выбил вторую медаль, приказав хранить ее на удивление потомству в своем Тирольском дворце.

1658 год. Тот же Рихтгаузен делает успешный опыт перед Майнцким Электором.

1666 год. Иоан Фридрих Швейцер, известный под именем Гельвеция, делает (из порошка $AuCl_3$?) золото, которое, по официальному исследованию, оказывается настоящим и убеждает этим философа Спинозу в существовании Красного Камня алхимиков.

1705. Пейкюль (Peukull), в присутствии химика Гирна и многих других свидетелей, делает превращение какого-то вещества в золото, из которого затем была выбита медаль.

* * *

Поддерживаемая такими фокусами легенда о Красном Камне философов приняла в XVI и XVII веках самый грандиозный вид.

Начали утверждать, что посредством этого таинственного вещества не только можно превращать в золото

все металлы, но также и излечивать им все болезни и сохранять до бесконечности жизнь и молодость владеющего им человека. Возникла особая наука — спагирическая (алхимическая) медицина.

Ее начало тотчас приписали, по обычаю того времени, глубокой древности, египетской и халдейской культуре. Но это может быть верно лишь в том отношении, что и

Бомбаст фон Гогенгейм, Парацельс. По старинной гравюре де Вриеса. тогда верили в существование универсального лекарства, как для человека, так и для металлов, в смысле их охраны от потускнения и окисления. Отождествление же его со средством превращать друг в друга металлы соответствует скорее древней легенде об оборотнях или магических превращениях людей в животных, чем излечению их от болезней. Смещение понятий о Философском Камне и всеобщем лекарстве начинается только с Парацельса, который одновременно был и алхимиком и врачом.

Парацельс Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541) принадлежит уже целиком XVI веку. Почти триста лет

прошло со времени работ Бэкона, а его идеи о двух началах металлов — ртути и сульфуре-сере, — несмотря на тысячи работ, производившихся каждый год по всей Западной Европе, не подтверждались. Приходилось или бросить всю теорию, как ложную в основе, или делать к ней все новые и новые надстройки, пока все здание не рухнет, наконец, с громом под их тяжестью. Парацельс пошел по этому последнему направлению и к двум началам Бэкона прибавил еще третье — таинственную металлическую воду. Что третье начало было придумано им, независимо от жившего перед ним Василия Валентина, открывшего сурьму, указывают некоторые места и в сочинениях самого Парацельса, родившегося уже в книгопечатную эру, и потому менее подвергшегося подделкам. Вот, например, место из его трактата “Сокровище Сокровищ” (“*Thesaurum Thesaurorum*”), напечатанного лишь через несколько десятилетий после смерти Парацельса*.

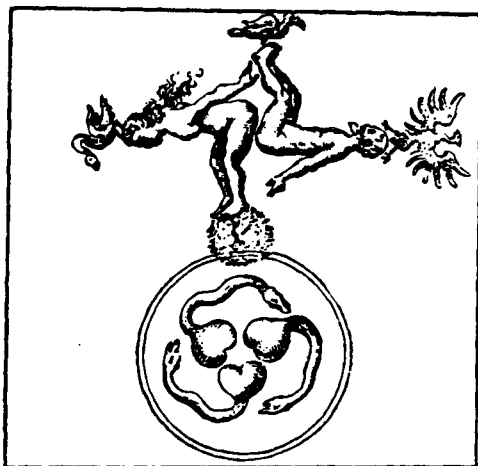
“Во всем, что касается знания и опыта, философы, предшествовавшие мне, брали своей целью скалу Истины, но ни один из них не попадал в цель. Они думали, что ртуть и сера были начала металлов, но не упомянули даже и во сне третьего начала... И вот я утверждаю, что в этом минерале находятся три начала: ртуть, сера и металлическая вода (т.е. раствор — авт.), служащая для их питания. Если светила небесные и природа позволяют, дерево вытягивает сначала ветви в марте месяце, потом распускаются почки, появляются цветы и так до осени, когда (от древесного сока — авт.) вызревает груша. Также и с металлами. Они рождаются таким же образом из недр земли. Пусть же алхимики, ищущие Сокровища Сокровищ, заботливо отметят это!..”

“Слава тому, кто мог найти такое сокровище, и получить из него вытяжку! Это истинный естественный

* Древнейшие его издания: “*Bucher und Schriften Paracelsi*”. 10 vol. 1589; “*Paracelsi opera omnia: medica, chemica, chirurgica*”. 3 vol. 1648.

бальзам небесных планет; он мешает гниению тела, он не позволяет ни язве, ни подагре, ни водянке внедриться в человеческое тело... Ах, немецкий Карл! что ты сделал с твоими научными сокровищами?! Где твои медики? Где

“Девятый ключ” книги Василия Валентина. Мужчина и женщина — сера и ртуть. Три сердца со змеями — три их начала. Ворон — символ черного, лебедь — белого, павлин — радужного и феникс в пепле — красного цвета.

твои ученые? Где эти бандиты, которые прочищают безнаказанно желудки и угощают микстурами? Твое небо потрясено... Твои светила, сойдя с орбит, гуляют далеко от Болотистого Пути, который для них предназначен!.. Если бы твои “адепты” знали, что их глава Галиен (который теперь в аду) написал мне удостоверительные письма, что я прав, они сделали бы крестные знамения своими лисьими хвостами! А ваш Авиценна! (Он сидит теперь на пороге ада). Я говорил с ним о его жидком золоте... Уходите же, шарлатаны, берущие верх только протекциями высокопоставленных лиц! Но, терпенье! После моей смерти мои последователи поднимутся против вас и повлекут вас к лицу неба, вас и ваши грязные микстуры!..”

Полемические выходки в сочинениях Парацельса показывают нам интенсивность той борьбы, которую вызвали его прибавления к укоренившимся в тогдашней Алхимии и медицине официальным представлениям. Однако временно Парацельс победил, хотя и не вполне. Третье начало само навязывалось мистически настроенным и запутавшимся в бесплодных поисках умам того времени, когда даже божество было разделено на три личности. Кроме того, открытие сурьмы Василием Валентином положило уже конец учению о семи металлах. Полемика с Парацельсом привела лишь к тому, что таинственная металлическая вода приняла у последующих ученых более реальные формы, т.е. обратилась у одних в раствор обыкновенной поваренной соли, у других — селитры, мышьяка и т.д. и т.п. Никакого единства в этом отношении не установилось, да и не могло уже установиться, потому что со времени изобретения книгопечатанья, случившегося незадолго до рождения Парацельса, число ученых чрезвычайно увеличилось, благодаря большей доступности книг. Достигнуть единогласия стало теперь возможно лишь в том случае, если справедливость вновь высказываемой идеи можно было сделать очевидной для каждого путем самостоятельной проверки. Но как бы то ни было, прибавка третьего компонента металлов, к которому перед Парацельсом пришел и Василий Валентин, была всеми принята, и мы видим в различных изданиях того времени чрезвычайно интересные эмблематические рисунки, два из которых я покажу вам здесь.

Вот прежде всего перед вами рисунок, приложенный последующими издателями к *“Двенадцати ключам премудрости”* Василия Валентина, где два явные начала Бэкона, мужское и женское — серфур и ртуть — вылетают из трех скрытых под ними начал, изображенных в виде трех змей. Далее изображены те же два начала в виде супругов, сидящих на шаре с трехглавым драконом,

символом триединого вещества. На следующем рисунке, взятом из той же книги, эти три начала уже замкнуты в яйцо алхимиков, т.е. в колбу, а посреди них вы видите дракона — символ вещества, единого в трех видах и заключающего в себе, как это отмечено кружками на его теле, два свои свойства, твердость и летучесть.

Из книги "Crede Mihi" ("Верь мне"). Золото и серебро сидят на шаре с трехглавым драконом, символом триединого вещества (одного по сущности, но воплотившегося в трех началах: серы, ртути и химической соли). Четыре шара символизируют своим содержимым четыре цвета: король в порфире — красный, ворон — черный, лебедь — белый и павлин — радужный.

* * *

Быстрое развитие философских идей теперь неизбежно приводило к тому, что признавать далее серу и ртуть за начала всех вещей стало совершенно невозможно. Если бы все металлы состояли из них, то и сама ртуть, как один из металлов, должна была образоваться тоже из ртути и серы... Но какая же это вторая ртуть? — Очевидно, что не та металлическая, которую мы находим, а какая-то особая принципиальная ртуть... А в таком случае и сера алхимиков должна быть тоже не нашей обычной, а

принципиальной серой. Другого выхода не было. Одни авторы, как например, Артефий, ошибочно относимый старинными издателями к добэконовскому периоду, но принадлежащий на деле не ранее, как XV веку, пришел к заключению, что сера в устах алхимиков представляет собою видимые качества металлов — цвет, блеск, протяжение, а ртуть — их скрытые свойства: плавкость, ковкость, летучесть и т.д. Другие говорили, что ртуть есть просто начало или элемент стойкости тела, а сера — элемент их летучести. Одним словом, представления сделались так туманны и определения так схоластичны, что сами авторы уже не понимали, что они писали. Чтобы не разрушить старинных авторитетов и всей горы написанных на них комментариев, алхимикам ничего не оставалось делать, как поступить с их сочинениями так же, как теперь ортодоксальные теологи поступают с библией и евангелиями, т. е. толковать их выражения иносказательно. С этого момента всякая точка опоры исчезла под их ногами и их доктрина начала быстро склоняться к упадку.

Как река, разлившаяся в половодье, наука стала искать новые пути во всевозможных направлениях. Новые идеи брызгами летели во все стороны и принимали нередко самые причудливые формы.

Первые алхимики, вплоть до Василия Валентина, считали своей целью только превращение металлов. Парацельс расширил область воображаемых применений Философского Камня и, вероятно, в припадке мании величия, вызванной нападками современников, вообразил, что в своей химической реторте он мог бы изготовить маленького живого человека, гомункула последующих алхимиков. В своем трактате *“О природе вещей”* он говорит, что для этого нужно только поместить в колбу те продукты физиологической деятельности человека, из которых он естественно происходит, и подвергнуть их легкому нагреванию.

Тогда, в присутствии некоторых других продуктов, и при благоприятном сочетании планет, в колбе поднимается легкий пар, который принимает форму движущегося существа человеческого вида и окажет своему творцу

Из книги Василия Валентина *"Двенадцать ключей мудрости"*. Дракон внутри перевернутого треугольника (воды) — символ первичного вещества, кружок на ногах — символ его твердости, кружок на крыльях — символ летучести. Три змеи — три его начала. Все замкнуто в "яйце философов" (закрытой шаровидной колбе).

необыкновенные услуги. Некоторые шарлатаны делали впоследствии для всех интересующихся подобные опыты, беря насыщенные растворы солей, выделяющих от стояния беловатые кристаллы и, показывая их, говорили, что это образуются кости будущего гомункула, а дальнейшую неудачу объясняли тем, что сочетание планет было в данный миг неблагоприятно.

На этой новой стадии своего развития Красный Камень алхимиков не только превращал все металлы в золото и излечивал их от "проказы", т.е. ржавчины, но оказывал также целебное действие и на всякое живое существо, уничтожая его болезни. Его настой в спирте составлял

жизненный эликсир, благодаря которому один из апокрифических алхимиков XI века, уже упомянутый Артефий, будто бы жил тысячу лет. Ласниоро в своем "Золотом трактате о философском камне" утверждает, что прием

Из сочинения Бархузена "Удивительная книга" (Barchusen. "*Liber singularis*"). Конец "Великого Делания алхимиков".

его в микстуре даже воскрешает мертвых, а Спербер высказывает мнение, что этот Красный Эликсир до такой степени просветляет тело и очищает душу обладающего им человека, что он видит, как в зеркале, все движения созвездий и влияние небесных светил, даже и не смотря на небо, а в своей комнате с закрытыми ставнями*.

Другие с его помощью думали открыть мировую душу, присутствующую во всем и дающую, по выделении в свободном виде, высшее блаженство, приводя философа в прямое сообщение с божеством и духами.

* Sperber. *Isagoge de Materio Lapidis*.

Все эти ложные течения послебэконовского периода химической философии так переплелись, наконец, между собою, что стало совершенно невозможно в них разобраться.

Каждый автор говорил свое, не слушая других или перепутывая слышанное, и современный исследователь, вступающий в этот мир забытых авторитетов и погребенных сочинений, получает такое же впечатление, как если бы он попал в дом умалишенных, и это впечатление еще более увеличивается присутствием среди искренне заблудившихся во мраке неведения умов значительного числа профессиональных фокусников. Везде, где кончается здравый смысл, в защиту отживающей доктрины, является чудотворство и окончательно ее дискредитирует в умах всех искренних и образованных людей. Так было с Алхимией... Так происходит теперь и с авторитарной теологией.

Еще в 1558 году Кардан в своей книге *“Библия Природы”* (*“Offenbarung der Natur”*) объявил ложным утверждение алхимиков о существовании их Философского Камня. Но только к концу XVIII века, благодаря работам Лавуазье, смело отбросившего при своих исследованиях все старинные авторитеты, алхимическое направление рухнуло безвозвратно, как в теоретической, так и практической химии.

С этого великого поворотного момента в учении о веществах, сразу стало ясно, что сера и ртуть — продукты того же порядка сложности, как и все остальные металлы и металлоиды.

В дополнение к мистическому числу семь были открыты, кроме сурьмы Василия Валентина, несколько десятков других металлов, улегшихся потом, вместе с предыдущими, в стройные ряды периодической системы, и алхимический генезис их от ртути и серы окончательно сошел в область истории, если не считать немногих мистических ручейков, добравшихся и до настоящего

СОСТАВ СОСТАВОВ

(Извлечение из трактата, напечатанного в IV томе *"Theatrum chemicum"*, XVII в. и приписанного издателями Альберту Великому).

Я не скрою науки, которая открыта мне по милости Бога, я не удержу ее ревниво для себя из страха навлечь на себя Его проклятие. Знание, удержанное в тайне, на что оно годно?.. (Из введения.)

Сера — отец металлов и ртуть их мать. Еще вернее было бы сказать: в сложных телах сера представляет семянную жидкость отца, а ртуть — месячное отделение матери, сгустившееся, чтобы образовать зародыш... Одна сера не может зачать, также как и ртуть.

Огонь есть пар серы. Пар серы, хорошо очищенный и взогнанный, белит и уплотняет... Ртуть легко очищается от своих нечистот возгонкой и очень кислотными промывками... Она соединяется с чистой серой и производит тогда в глубине земли металлы чистые и совершенные. Если оба начала не чисты, металлы будут несовершенны... (из главы первой).

Заметь хорошо следующее: материал Камня Философов дешев. Его находят повсюду, даже в отхожих местах, говорят философы, и некоторые глупцы, приняв их слова буквально, искали его в экскрементах... (глава третья).

Беру Бога в свидетели, что в книгах философов нельзя ничего найти лучше того, что я сказал, поэтому прошу тебя, не доверяй никому этого, не дай этим словам попасть в нечестивые руки, потому что они содержат философские секреты всех веков. Такое количество драгоценных перлов не должно быть брошено свиньям и недостойным. Если же это случится, тогда молю всемогущего Бога, чтобы тебе никогда не удалось окончить Божественное дело превращения металлов (конец трактата).

времени*, как едва заметные остатки того широкого потока ложно направившейся человеческой мысли, который еще покрывал всего два-три столетия тому назад всю Западную Европу, а с ней и весь остальной цивилизованный мир.

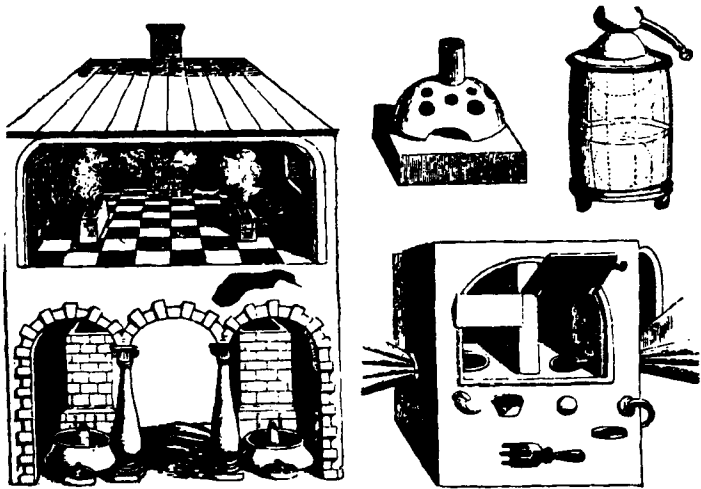
Этот поток несомненно разлился во всей своей силе только с XIII века, после Роджера Бэкона, заключенного монахами в темницу за воображаемое открытие им могущественного Красного Камня. Я не хочу, конечно, сказать, что не будь посажен этот гениальный человек в тюрьму, в Европе не было бы того пятисотлетнего сумбура алхимических сочинений и тех напрасных блужданий сотен тысяч талантливых людей в поисках никогда не существовавшего Камня. Я хочу только сказать, что, если б Бэкон даже не родился на свет, то и всякий другой гениальный химик средних веков претерпел бы, благодаря религиозному и политическому самодержавию того времени, совершенно такую же участь и написал бы для своих тюремщиков из глубины своей кельи аналогичные фантастические книги, хотя вместо серы и ртути и выбирал бы, может быть, каких-либо других отца и мать для семи известных ему металлов.

Идея об единстве вещества и о возможности превращения всех его видоизменений друг в друга так естественна сама по себе, что неизбежно должна была являться в голове каждого серьезного химика, если ум его обладал творческими способностями и был склонен к обобщениям. Но, к несчастью, с абстрактной и бескорыстной идеей такого всеобщего трансформизма веществ неизбежно связывалась в вульгарных головах и практи-

* Так, например, во Франции и до сих пор существует Алхимическое общество, члены которого верят, что старинным алхимикам действительно был известен способ превращать металлы, и разрабатывают их сочинения. Некоторые из их изданий представляют большой исторический интерес, и я пользовался ими при составлении этой книги. (См. Albert Poisson. *Theories et symboles des Alchimistes* 1901 г.; его же *Cinq traites d'Alchimie*, 1890 г.; F. Jollivet Castellet: *La science alchimique* 1904 г.; Abel Haatan: *Contribution a l'etude de l'alchimie*, 1908 г.).

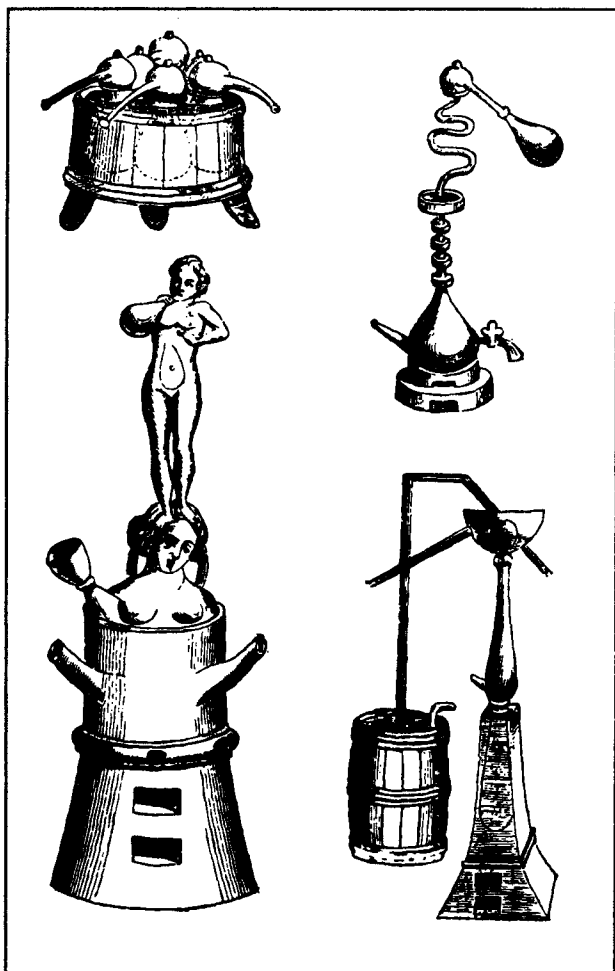
ческая мысль о превращении их этим путем в самые драгоценные из всех металлов — серебро и золото, которые всегда были так нужны для деспотов, стремившихся удержать свою пышность и могущество. Вот почему среди исследователей в области теоретической химии неизбежно

Печи и аппараты, употреблявшиеся алхимиками средних веков; по рисункам де Вриеса.

должно было оказаться особенно много мучеников в эпохи абсолютизма. Скованная этим абсолютизмом человеческая мысль неизбежно должна была направиться здесь по ложному пути, и блуждать на нем долее, чем в какой-нибудь другой отрасли знания, где обобщающие научные гипотезы, и работы с целью их подтверждения, не возбуждали немедленно алчность всех окружающих монахов и коронованных особ старого времени, готовых, как коршуны, наброситься на труженика-философа при первом слухе, что ему удалось осуществить свою идею на деле.

И мы действительно видим, что только со времени Кромвеля в Англии и падения старого режима во Франции и в остальных цивилизованных странах, химия вышла

Песчаная и водяная ванны и два перегонных аппарата XVII века, по рисункам де Вриеса.

вместе со всеми остальными естественными науками на прямую и ровную дорогу к своей конечной цели — познанию истинных законов строения вещества и его последовательной эволюции на небесных светилах.

Но даже и на заре своего освобождения и освобождения всего мыслящего человечества, химия не обошлась без искупительной жертвы, и величайший из ее реформаторов Лавуазье, выводя ее на истинный путь опыта и наблюдения, погиб на гильотине в тот трагический момент великой революции, когда его страна, вырвавшись из-под гнета одного абсолютизма, не могла удержаться в естественном равновесии свободной республики и попала под гнет другого — противоположного абсолютизма...

Падение самовластья, как светского, так и духовного, и соответствующее возрождение всех наук, несомненно, было подготовлено еще в XV веке изобретением книгопечатания, сделавшего возможным популяризирование знаний. Удешевив и размножив книги, оно сделало немислимой прежнюю замкнутую, кастовую науку и было причиной крушения не только светского и религиозного самодержавия, но и всех оккультных авторитарных течений человеческой мысли — метафизики, Алхимии, астрологии и всех ортодоксальных теологий, начиная от языческих и кончая монотеистическими. Если разные авторитарные теологии, как последние пережитки умершего направления науки, и владеют еще во многих странах низшими слоями населения, если религиозный гнет, в связи со светской цензурой над человеческой мыслью, не везде еще ушел в область прошлого, то, с высоты умственного развития цивилизованного человечества, и теперь уже можно сказать о них словами поэта:

Последняя тучка рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день!

ГЛАВА III

Что дошло до нас из рукописной литературы старого допечатного времени?

В заключение мне хотелось бы поговорить с читателем об одном интересном вопросе.

Когда два года тому назад я выпустил в свет свою книгу об Апокалипсисе, где показал путем астрономических

Из книги Иоанна Исаака Голланда *"Собрание разных алхимических книг"*. Русск. перев. 18 века. СПб. при Имп. Акад. Наук по немец. переводу 1667 года.

вычислений, что это произведение написано никак не в первом веке нашей эры, а только через триста лет после него, в 395 году, тогда почти все православные теологи обрушились на меня, указывая с торжеством, что упоминания об Апокалипсисе уже существуют у Оригена, Викторина, Тертулиана и других писателей, "живших ранее моей даты" ... Читателю таких рецензий невольно казалось,

что где-то в Европейских музеях и архивах хранятся подлинные рукописи всех упомянутых лиц или по крайней мере копии с них, сделанные их учениками...

Но увы! Никаких таких манускриптов совсем нигде не существует. Все, что мы знаем о сочинениях древних авторов, почти целиком берется современными историками из сборников XV, XVI и XVII веков, т. е. от лиц, живших через целую тысячу лет после смерти цитируемых ими писателей, от лиц, в высшей степени легковверных, испестривших свои сообщения невероятными рассказами о всевозможных чудесах.

Отличить в них истину от правдоподобных (самых худших из всех!) измышлений и позднейших дополнений почти невозможно. Благодаря этому обстоятельству все наши первоисточники по древнему периоду допечатной эры представляют из себя настоящие авгиевы конюшни, где много веков стояли монахи, и для очистки которых нужен новый Геркулес. Но даже и Геркулес в одиночку здесь ничего не мог бы поделать. Здесь нужно специальное международное общество разработки исторических первоисточников древней истории, которое, пользуясь широким материальным содействием цивилизованных государств, задалось бы гигантской целью сфотографировать на цинковые клише и кроме того перевести на один из общедоступных европейских языков с научными комментариями специалистов все, что дошло до нас в рукописях, написанных ранее XVI века. Изданные таким образом и разосланные во все крупные государственные и университетские библиотеки, такие документальные издания сделали бы древнюю историю до некоторой степени наблюдательной наукой и дали бы возможность каждому, разрабатывающему какие-либо вопросы древности, иметь под своими ногами прочную точку опоры и лично проверять справедливость выводов, сделанных его предшественниками.

Вот почему и в заключении этой книги, где мне снова не раз приходится говорить, что вся древняя история наших наук совершенно легендарна, я снова касаюсь того же самого вопроса о первоисточниках и привожу по замечательным в истории химии работам Бертелло* список главнейших манускриптов, дошедших до нас по Алхимии и связанным с нею наукам от старого допечатного времени. Посмотрев его, читатель сам увидит, как немного таких манускриптов и к какому сравнительно позднему периоду принадлежат почти все они. Если не считать Лейденских папирусов, с которых я начинаю и время которых определено только гадательно, то самый древний манускрипт относится только к XI или XII веку!..

Вот почти и все рукописные документы, считаемые за точные или испорченные копии сочинений древних средневековых авторов, в их хронологическом порядке!

I. Лейденские папирусы. Это самые древние из известных до сих пор документов. Они собраны в начале XIX века шведским вице-консулом в Александрии и в различных местах Египта. Часть из них, по-видимому, доставлена ему арабами из Фивских гробниц. Нидерландский музей, где они хранятся, приобрел их в 1828 году. Из этой коллекции 100 написаны на папирусах, 24 на полотне и 1 на коже. Двадцать из них по-гречески и 3 с одной стороны на греческом и с другой иератическими письменами более древнего периода, чем первый. Содержат они большею частью разные отрывочные практические сообщения, рецепты действительных древних знаний (вроде способов получения и закалки древних металлов, изготовления некоторых сплавов, серебрения, золочения, окраски в пурпурный цвет, производства стекла и искусственных драгоценных камней). Иногда в них попа-

* *"Les origines de l'alchimie"*, 1885; *"Collection des anciens alchimistes grecques, texte et traduction"*, vol.3, 1887. *"Introduction a l'etude de la chimie des anciens et du moyen age"*, 1889. *"La chimie au moyen age."* vol.3 1893.

даются и чисто фантастические указания, вроде способа размножения золота и серебра. В папирусе №75 этой коллекции есть алхимический рецепт, приписываемый Оссии, царю Израиля, где цитируются между прочим имена Саваофа, Авраама, Исаака и Иакова. В папирусе №76 заключается коротенький астрологический трактат "*Святая книга, называемая Тайной Книгой Моисея*". В папирусе №66, содержащем целых 8 листов текста, описано приготовление сплавов, медикаментов и окраски тканей пурпуром.

Исследовавший их директор Лейденского музея Рювен приписал их III веку нашей эры. Но его соображения, насколько мне известно, не были проверены. Никаких алхимических теорий в них еще нет. Все это лишь разрозненные рецепты вроде указанных выше и разрозненные сообщения, и, что всего страннее, они часто буквально повторяют такие же рецепты манускриптов XII века, описываемых далее*.

Арабский манускрипт лейденской коллекции под №440 состоит из 103 листов. Конец его утрачен и о времени ничего не известно, так как арабский почерк мало изменялся с течением веков. Бертело говорит, что по бледности слов возможно предположить, что он очень древний, может быть даже VII века, но, это, конечно, только одно предположение. Из него Бертело перепечатал серии слегка систематизированных заметок и химических рецептов, носящих заглавия: книга весов, книга сострадания, книга концентраций, книга восточного и западного Меркурия (приписанные редактором Джабиру), и затем сборники совершенно в таком же роде, приписанные Кратесу (Демо-Критосу) и Эль-Хабибу. Ни одной из них нет среди латинских переводов средних веков, носящих имя Джабира, как нет и этих лжепереводов на арабском языке. Можно думать, что многие из дошедших до нас

* Berthelot. *Les Origines d'Alchimie* 1885. P. 87—94.

арабских манускриптов очень позднего маврского происхождения и происходят из Испании или Марокко. Даже и в настоящее время в Марокко составляются такие алхимические рукописи, так как там многие еще верят в их серьезность.

II. Венецианский пергамент. Это сборник из 196 пергаментных листов в одном томе, написанный по гречески и относимый к концу XI века. В нем мы видим самый древний из имеющихся до сих пор документов, где химические рецепты и заметки отделяются от астрологических, медицинских и каббалистических сообщений. Многие из цитируемых авторов здесь те же, что и в предыдущих папирусах, но уже более связаны между собою. В нем есть *“Хризопея Клеопатры или искусство делать золото”*, есть знаки семи металлов, где солнце представляет золото, луна — серебро, Сатурн — свинец, Марс — железо, Венера — медь, Юпитер — электрум египтян, т. е. сплав серебра и золота (вместо позднейшего олова) и Меркурий представляет олово (вместо позднейшей ртути), которое еще не упоминается здесь среди металлов.

На 7 листе в нем помещен и *“Список философов священной науки и искусства: Моисей, Демокрит, Синезий, Паузерис, Пибехий, Ксенократ, Африкан, Лука, Диоген, Гиппас, Стефан, Химес, Христианин, Мария, Петазий, Гермес, Теоzeбия, Агатодемон, Теофил, Изидор, Фалес, Гераклит, Зосим, Филарет, Юлиана, Сергей”*. Ни Роджера Бэкона, ни псевдо-арабов здесь еще нет.

III. Манускрипты Парижской национальной библиотеки. Самый древний из греческих написан на бумаге и хранится под №2325. Он относится к XIII или XIV векам. В нем находится между прочим алхимический трактат монаха Косьмы и ряд различных рецептов и практических сообщений от имени действительных и легендарных авторов. Он почти целиком вошел в следующий за ним более поздний манускрипт №2327, датированный

1478 годом, содержащий 300 листов in 8-vo и представляющий сборник таких же рецептов и практических сообщений, как и предыдущие, между прочим и рецепт удвоения количества золота*. Другой алхимический манускрипт, №2249, принадлежащий XVI веку, представляет во многом воспроизведение уже описанного выше Венецианского пергамента, с дополнениями. Но конец его, к сожалению, утрачен. Остальные рукописи, под №№2250, 2251, 2252 и 2275 представляют лишь варианты или отдельные части уже описанного нами основного документа под №2327, т. е. все оказываются не ранее XIV века.

Кроме них ценен для истории Алхимии, магии и астрологии еще греческий же манускрипт №2419, писанный в 1460 г., где изобретение Алхимии приписывается некоему Алхимику, жившему очень давно.

Самый древний из арабских это манускрипт №972 (основной части), где содержатся: 1) "*Книга царств*" и "*Малая книга сострадания*", приписанные Джафару; 2) "*Двенадцать глав о науке знаменитого камня*", приписанных Останесу. Затем манускрипт №1074 (арабского дополнения) содержит между прочим отрывок из Останеса. Время составления этих сборников трудно определить, но, вероятно, они были составлены не раньше XVI века. Курьезно, что автор выставляет там Аристотеля своим приятелем.

IV. Манускрипты Британского Музея. В этом знаменитом музее особенно замечательны по Алхимии: 1) Сирийско-арабский сборник под №1593 Восточной Коллекции, в 49 листах, написанных прекрасным почерком начала XVI века. Многие из его страниц перепутаны при переплете, начало и конец утрачены. Его древнейшие отрывочные сообщения и рецепты, как предполагают, передавались еще от начала средних веков (IX, VIII века

* Приведенный в "*Origines d'Alchimie*" Бертелло на стр. 334 изд. 1885 г.

и т. д.). Первая часть его написана по-сирийски, вторая — по-арабски, но сирийскими буквами; 2) Сирийско-арабский сборник под №79 коллекции Эгертона. Отличается от предыдущего лишь незначительными вариантами, первая часть тоже написана по-сирийски, а вторая — по-арабски сирийскими буквами. Он содержит 100 листов, переписанных прекрасным почерком XVI столетия, по-видимому, позднее предыдущего, и из того же первоначального источника. Перепечатан целиком во французском переводе и в арабско-сирийском первоисточнике в т. II, книги Бертело “*La chimie au moyen age*”.

V. Кембриджский арабский манускрипт (Мм. 6. 29). Составляет 148 листов прекрасного почерка XVI века без начала и конца. Сильно испорчен временем. В нем множество слегка систематизированных химических рецептов, то анонимных, то от имени Зосима, Демокрита, Эздры, Пибехия, и кроме того, ряд мистических и магических, тоже слегка систематизированных сообщений. Все они очевидно разновременного происхождения.

VI. Манускрипты Ватиканской библиотеки. Главнейший из греческих под №1174 — состоит из 155 листов, на бумаге, из которых только 100 принадлежат, по письму, XV веку, а остальные 55 прибавлены кем-то уже в XIX веке, как и некоторые вставки. В нем есть “Физика и мистика”, приписанные Демокриту; отрывки, приписанные Олимпиодору, Зосиму, Стефану, Гелиодору, Анониму, Синезию, Клеопатре и т. д. Большая часть сходны с приведенными в Венецианском пергаменте. Остальные греческие позднее их и тоже не оригинальны.

VII. Манускрипты Библиотеки Испанского Эскурнала. После ее пожара в 1617 году остались по Алхимии только два на греческом языке. Один под значком (Ф—1—11) писан почерком XVI века и есть точная копия уже указанного выше Парижского манускрипта №2327. Другой, под значком (Ψ—1—13), есть тоже точная копия

с уже описанного выше Венецианского пергамента, как это нашел путем прямого сравнения секретарь Парижского посольства в Испании Лоин. Бертелло нарочно ездил в Испанию, чтобы лично осмотреть оба, но его не пустили, так как входы в Испанские национальные библиотеки варварски запрещены всем иностранцам.

VIII. Манускрипты других библиотек. Все они позднее Венецианского пергамента (XV или XVI веков) и во многом являются воспроизведениями предыдущих. Так, манускрипт Миланской библиотеки представляет неоконченную копию Венецианского пергамента. Манускрипты Альтенбургской, Флорентийской (1492 г.) и Венской (1564 г.) библиотек аналогичны уже известному нам парижскому (№2327), но с иным расположением справедливых или ложных рецептов и сообщений всякого рода. То же можно сказать о Мюнхенском, Веймарском, Лейпцигском и о манускрипте Готской библиотеки, где по химии есть рецепт приготовления пива посредством соложения и описание “эфиопских рудников”. Все они на греческом языке и копированы с Венецианского пергамента.

В Константинополе по Алхимии есть только не особенно древний греческий манускрипт при церкви Св. Гроба и письмо о ней к патриарху Михаилу, приписываемое Пселлосу, тоже не уходящее по своему почерку за последний период средних веков.

В Большой китайской энциклопедии в Пекине, называемой *Pei-ouep-yup-fou* (время последнего редактирования которой остается очень неопределенным), говорится, будто первый “осуществивший превращение металлов” был китаец Ко-Хонг, живший при династии У, относимой к III веку нашей эры. Инициатива в алхимических занятиях принадлежала по этой летописи тоже китайским монахам — даосам, занимавшимся, кроме химии, и магией. Они клали вместе со своим Философским Камнем (Таном) в горн олово и превращали его в серебро, а серебро

таким же образом в золото. Уже по самому фантастическому способу видно, что все это место не включает в себе ни капли истины, и придумано едва ли ранее средних веков.

В древнейшей арабской энциклопедии “Китабаль-фихрист”, приписываемой Ибн-Надину, жившему, как думают, в IX веке (древность дошедшей до нас версии едва ли велика, а место хранения мне не известно), цитируются лишь греческие и греко-египетские алхимики, каковы: Гермес, Агатодемон, Онатос (?), Платон, Зосим, Демокрит, Останес, Гераклий, Мария Алхимичка, Стефан, Архелай и христианский священник Арес (?). Ни одного арабского автора среди них нет, и потому можно думать, что, хотя бы только в этой своей части, книга является простым переводом средневековых рецептов, написанных по-гречески.

Вот почти и все, что сохранилось у нас в рукописях по Алхимии и связанных с нею оккультных знаниях. Всего лишь несколько десятков рукописных сборников! И все они второго тысячелетия нашей эры, с отрывочными, почти всегда лишь практическими или фантастическими рецептами и сообщениями, даваемыми нередко от имени никогда не бывалых легендарных авторов .. То же самое мы находим и по истории всех остальных знаний...

Весь связный существенный материал мы получаем, повторяю, только из печатных сборников XVI, XVII и XVIII веков, где сочинения различных предполагаемых авторов древности и средних веков приводятся почти всегда без указания мест, откуда взяты рукописи...

Если же когда-либо и приводятся достоверные указания, то древность рукописей никогда не уходит за пределы средних веков. Да это и понятно! Если при всех мерах к сохранению документов в наших научно обставленных и приспособленных библиотеках нет ни одного связного манускрипта древнее 700 лет, то что же сказать о средневековом периоде, когда не было национальных

библиотек, когда рукописи не только не сохранялись, как величайшие драгоценности, в самых сухих и отдаленных помещениях, но лежали в общедоступных кельях монастырей и постоянно предавались огню и мечу при непрекращавшихся междоусобицах того времени, когда монастыри служили также и крепостями? Я не говорю уже о том жестоком многовековом периоде, когда фанатические монахи уничтожали, как еретическую, всякую рукопись, которой сами не понимали. Понятно, что тогда могли уцелеть лишь случайные листки где-нибудь в катакомбах.

Вот почему при разработке древней истории наук и даже древней жизни при современных условиях приходится быть чрезвычайно осторожным, чтобы не впасть в серьезные анахронизмы и не ввести читателя в самодвольное заблуждение, внушая ему, будто современные, пока еще слабые и ненадежные, методы исторической критики дают нам полную возможность отличить в документах XIV, XV и XVI веков правдоподобное от научно-достоверного по древней истории.

История древнего мира и древнего мировоззрения лишь только теперь, как Прометей, начинает освобождаться от охвативших ее средневековых пут...

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ
ЗНАЧКИ АЛХИМИИ И
ГЕРМЕТИЗМА

- — обычные квасцы, вечность, движение, мужской принцип, воздух.
- — золото и Солнце, соль — сильнейшая после селитры и купороса; Бог и вселенная, в масонстве — знак ордена.
- — соль или Саль — ключ алхимического искусства.
- — селитра, — царь всех солей и мельница, которая все перемалывает.
- — купорос; соль, ближайшая к селитре.
- — медная зелень и ярь-медянка, стихии в космосе.
- — поваренная соль (2-й знак).
- — мертвая голова.

-
— сурьма и киноварь.
-
— сурьмяный цвет, планета Земля.
-
— порошок.
-
— реальгар.
-
— каменная соль.
-
— созвездие Тельца, застывание, аммиачная соль.
-
— серебро и планета Луна.
-
— медь и планета Венера.
-
— бронза.
-
— Ртуть, Меркурий-планета и "азот" алхимиков.
-

— взогнанный Меркурий (sublimatum).
-

— осажденный Меркурий (precipitatum).
-
— щелочь.
-
—
-
—
-

}

железный или красный купорос.
-
— медный купорос.

- — стеклянный стакан.
- — железные опилки.
- — железо. Планета Марс.
-   — реторта.
- — квинтэссенция.
- — дистиллирование.
- — поваренная соль.
- — марказит (сернистое железо).
- — воск.
- — золото и Солнце.
- — “туция”, окись цинка.
- — спирт, дух.
- — кипячение.
- — годичный срок Деяния.
-   — мышьяк.
- — аурипигмент.
- — магнит.

- — возгонка, тонкое.
- — очищение.
- — реальгар.
- — созвездие Рака, соль аммиака, растворение.
- — дневной срок.
- — ночной срок.
- — камедь, растительный клей.
- — масло.
- — водка.
- — водка.
- — камфора, *stratum super statum*.
- — твердая соль.
- — вода (стихия древних).
- — огонь (стихия древних).
- — земля (стихия древних).
- — воздух (стихия древних).
-   — сера, дух Юпитера. Перевернутый крестом наверх, знак Великого Деяния.

	— углубление.
	— сера философов (идеальная).
	— азотная кислота.
	— царская водка.
	— поваренная соль.
	— моча.
	— месячный срок.
	— созвездие Близнецов, реальгар, затвердевание.
	— квасцы обыкновенные.
	— винный камень.
	— сурьма.
	— мыло.
	— каменная соль.
	— щелочь.
	— окончание "Великого Дела", пантакль Соломона — инволюция и эволюция.
	— амальгама (1).

	— амальгама (2).
	— амальгама (3), аламбин.
	— марказит (сернистое железо).
	— цинковый купорос.
	— уксус и четыре элемента древних.
	— дистиллированный уксус.
	— спирт, дух, газ.
	— созвездие Весов, возгонка, римский купорос.
	— осаждение.
	— созвездие Водолея, селитра, умножение камня.
	— вода.
	— свинцовые белила.
	— сода.
	— созвездие Стрельца, квасцы, смешение.
	— нашатырь, щелочная соль.
	— замазывание.

- ♈ — созвездие Овна, антимоний, кальцинация.
- ♋ — пережженные винные дрожжи.
- ♌ — фитиль.
- ♍ — негашеная известь.
- ♎ — сделать огнепостоянным.
- ♏ — созвездие Рыб, ртуть, прибавление.
- ♐ — }
— } винный камень.
- ♑ — }
- ♒ — }
— } известь.
- ♓ — прокалывать.
- ♔ — кристалл.
- ♕ — замазывание.
- 33 — киноварь.
- 33 — фильтрация.
- 3 — отожженная медь.
- 4 — олово и планета Юпитер.

- £ — масло.
 ь — созвездие Козерога, перистые
 квасцы, брожение.
 њ — созвездие Льва, золото, перева-
 ривание.
 Ʒ — глет, окись свинца.
 Ѡ — магнезия.
 h h h — свинец и планета Сатурн.
 ₣ — порошок.
 т — созвездие Скорпиона, сера, разде-
 ление.
 тѣ тѣ — созвездие Девы, красный аури-
 пигмент, дистилляция.
 ааа — амальгама.
 в — ванна.
 с — кристалл.
 с с — известь.
 сс — some de cerf (растение).
 Е — квинтэссенция, сгущение.

Е	— зола.
Н	— сгущение.
h	— свинец.
М	— магнезия.
МВ	— водяная баня.
М	— замазывание.
О	— соль.
Р	— порошок.
Р	— дух, газ, спирт.
Sp	— spiritus, дух, газ, спирт.
SSS	— слои на слое.
sss	—
Т	— бура.
V	— вино.
V ^s	— винный спирт.
В	— паровая ванна.
XX	— амальгама.

X	— тальк.
Ẋ	— уксус.
Ẍ	— дистиллированный уксус.
X̄	— винный камень.
Z	— замазывание.
33	— киноварь.
33̄	— фильтрование.
	— перистые квасцы.
()	— серебро или Луна.
	— углубление.
	— толченый кирпич.
	— кирпичный порошок.
	— марказит (сернистое железо).
	— песок.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Альберт Пуассон — французский ученый XIX века, посвятивший многие годы изучению теоретических основ символизма и истоков алхимического Делания, а также длительное время пытавшийся на практике постичь отдельные этапы этого процесса.

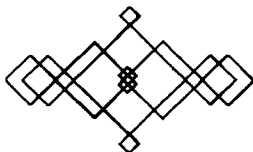
Николай Александрович Морозов — видный русский ученый в области естествознания, химик, биофизик, астроном, почетный член Академии наук, директор биологической лаборатории Лесгафра. Большинство его научных трудов было написано во время двадцатипятилетнего заточения в Шлиссельбургской крепости, куда он был заключен за участие в движении “Народная Воля”.

Фернанд Шварц — современный антрополог, на протяжении многих лет изучавший мифологические и символические системы традиционных и современных обществ, специалист по проблемам креативности. В настоящее время является руководителем “Нового Акрополя” во Франции, консультантом парижской Школы Антропологии.

Мирча Элиаде — видный современный ученый, занимающийся вопросами теории мифа, истории религии, сравнительным религиоведением. Многие его работы посвящены проблемам миропонимания в разные исторические эпохи на Востоке и Западе, в том числе символизму, магии и оккультизму.

Карл Густав Юнг — швейцарский ученый, основатель аналитической психологии, которую он сам назвал “алхимией XX века”. Его поиски внутреннего человека позволили сблизить психологию с религией, мифологией и философией. Многолетнее изучение алхимии позволило ему связать поиски Философского Камня с гностической традицией и религиозно-мифологическими представлениями.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
А. Пуассон. Теория и символы	
Алхимии. Великое Делание.	11
Введение	13
Глава I	19
Глава II	27
Глава III	31
Глава IV	38
Н. А. Морозов. В поисках	
Философского Камня	53
К читателю	55
Глава I. Первые шаги химии	57
Глава II. Красный камень алхимиков	72
Глава III. Что дошло до нас из рукопис- ной литературы допечатного времени?	146
Ф. Шварц. Алхимия и совре- менная антропология	157
М. Элиаде. Arsana artis	181
Из предисловия	183
Алхимия и инициация	186
Arsana artis	198
К.Г. Юнг. Введение в религиозно- психологическую проблематику	
Алхимии	215
Примечания	265
Приложение. Некоторые символичес- кие значки Алхимии и Герметизма	273
Коротко об авторах	283

ФИЛОСОФСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

...Акрополем в Афинах назывался священный холм в центре города, на котором возвышались храмы. Для древних греков он являлся сакральным местом встречи богов и людей, видимого и невидимого миров, местом, где прошлое, настоящее и будущее сливается в одно — вечное существование...

"Новый Акрополь" сегодня — это международное гуманистическое философское движение, объединяющее 150 центров в 55-ти странах мира.

"Новый Акрополь" существует с 1957 г. Как международная ассоциация он был официально зарегистрирован в Брюсселе (Бельгия) в 1981 г.

Деятельность "Нового Акрополя", его цели и принципы неразрывно связаны с теми проблемами и вопросами, которые стоят перед человечеством на пороге третьего тысячелетия.

Из устава Международной ассоциации:

1. Объединять людей вокруг идеала всеобщего братства, невзирая на расовые, социальные, национальные и религиозные различия.

2. Помогать человеку в развитии целостного видения мира через сравнительное изучение философских систем, религий, наук и искусств.

3. Исследовать непознанные законы Природы и непроявленные потенциалы человека.

На Украине центры "Нового Акрополя" работают в Киеве и Черкассах, в России — в Москве, Санкт-Петербурге, Новгороде, Твери и Калининграде.

Телефоны
для справок

(044) 554 76 87	Киев
(044) 513 53 82	
(047) 263 33 80	Черкассы

СТУДИЯ ЦЕЛОСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

В рамках "Нового Акрополя" работает Студия целостного человека, которая предлагает комплексную программу теоретического и практического обучения. В ее основе лежит идея целостного развития личности, гармонизации Духа, Души и Тела.

Программа Студии целостного человека построена по принципам классических философских школ древности. Она призвана способствовать выявлению в каждом из нас Целостного Человека, развитию внутренней стойкости перед жизненными испытаниями, пробуждению любви к Мудрости и душевного благородства.

Программа базируется на сравнительном изучении традиций, культур, религий и философских систем Востока и Запада, современной глубинной психологии, антропологии, социологии и других гуманитарных и естественных наук.

Большое внимание уделяется изучению универсального языка символов, новых путей гармоничного общения с Природой для восстановления утраченных связей с ней.

Ученик Студии — это не просто пассивный слушатель лекций. В процессе занятий развивается принцип "внутреннего диалога", позволяющий проявить характерные черты индивидуальности ученика, его внутреннего мира, скрытые потенциалы его личности.

Для обучения в Студии целостного человека не важен возраст, не нужна специальная подготовка. Студия открыта для всех, кто молод душой и стремится к Мудрости, кто верит в реальность мечты, добро и красоту.

(095) 118 56 78 Москва
(095) 391 18 14
(812) 127 87 71 С.Петербург

(816) 009 95 55 Новгород
(08222) 6 06 29 Тверь
(0112) 43 00 09 Калининград

Теория и символы алхимии. Великое Делание.
Альберт Пуассон и др. — К.: "Новый Акрополь",
ООО "Бронт — ЛТД", 1995. — 288 с.

ISBN 5 — 7707 — 7742 — 7

Покров тайны, окутывающий древнее Герметическое Искусство, ключи понимания которого были утеряны за века материализма и увлечения технологическим прогрессом, дают повод для скепсиса и недоверия. Делается попытка приподнять завесу, познакомив читателя с основными положениями Алхимии и предоставив для этого слово выдающимся европейским исследователям и мыслителям XIX и XX века Альберту Пуассону, Николаю Морозову, Мирча Элиаде, Фернанду Шварцу, Карлу Густаву Юнгу.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 5 — 7707 — 7742 — 7

© Предисловие, статья Ф. Шварца, перевод М. Элиаде. Новый Акрополь, 1995.

© Оформление. ООО "Бронт - ЛТД".

Ответственный редактор С.И. Гавриленко
Художник обложки В.П. Васильев
Художественный редактор Г.Г. Романцова
Технические редакторы Д.Ф. Гапеев, И.Н. Кэвэдо-Гарсиа

Подписано к печати 21.08.95. Формат 84х108/32.

Бумага офсетная №1. Гарнитура Академическая.

Печать офсетная. Усл.п.л. 14, 28. Зак. 649-5.

Издательство "Новый Акрополь" при содействии фирмы
"Бронт-ЛТД", 253100, Киев, Строителей, 14-9.

Львовская книжная фабрика "Атлас", 290005, Львов, Зеленая, 20.